

Дорогим читателям от всего
сердца.

А.Ф. РЕЗАНОВ. АРАБЕСКИ МОЕЙ ЖИЗНИ

М.Е. Даен, Н.Н. Малинина

В Отделе письменных источников Вологодского государственного музея-заповедника (ВГМЗ) хранится уникальный памятник письменности – рукописное сочинение “Арабески моей жизни”¹, относящееся к первой половине XIX столетия. Ее автор – вологодский помещик Алексей Федорович Резанов (29 августа 1819–5 июня 1848) – представитель древней дворянской фамилии Резановых, чьи предки (родом из Польши) начиная с эпохи Ивана Грозного верой и правдой служили русскому отечеству. Предок рода Резановых Мурат Дмитриевич Резанов “писан” в списке 1556 г. в числе детей боярских с поместьем окладом. Один из них Путило Резанов за верную службу и за Московское осадное сидение от царя и великого князя Михаила Федоровича пожалован поместьем. Из этого рода вышли стольники, стряпчие и воеводы². Известен портрет прадеда А.Ф. Резанова, экспонирующийся в Вологодском музее, на котором, согласно атрибуции М.Е. Даен, изображен артиллерийский майор в отставке, надворный советник Алексей Михайлович Резанов (ок. 1668 – после 1760)³. В 1751–1753 гг., когда А.М. Резанов служил в Петербурге, этот портрет написал известный русский художник М.Л. Колокольников. Авторство этого портрета еще ранее, в 1984 г., доказано было искусствоведом И.Г. Котельниковой⁴.

У Алексея Михайловича Резанова в сер. XVIII в. был двор и дом в Петербурге, а в Вологодской губернии свое поместье в сельце Елизарово с деревнями. Его единственный сын Дмитрий (Димитрий) Резанов (1730–1731 – ок. 1770) прошел путь от капитала Кадетского корпуса до подпоручика. За “ревностную службу высочайше пожалован подпоручиком 15 сентября 1751 года”, “19 июня 1761 он был произведен коллежским асессором, а 6 июля того же года за болезнью уволен”⁵. У Дмитрия Резанова, женатого на Екатерине Федоровне, урожденной Мезенцевой, было пять дочерей – Марья, Елизавета, Параскева, Анна (в замужестве Рындина), Екатерина и два сына – Федор и Алексей. Слабый здоровьем Дмит-

рий Резанов рано умирает (судя по документам – уже в 1770 г. Екатерина Федоровна числится вдовой). Однако, несмотря на большое количество малолетних детей и смерть мужа, она энергично занимается хозяйственными делами и постоянно расширяет имение, присоединяя к нему множество новых сел и деревень, которые она покупает у разорившихся помещиков. И если у А.М. Резанова – ее свекра – всего числилось 152 души м.п., то к концу 80-х годов Екатерина Федоровна увеличила это количество до 1600 душ. Главной же усадьбой ее становится сельцо Куркино (Гуркино)⁶. Одну из дочерей – Анну – она выдала замуж за влиятельного помещика, сенатора Кирилла Петровича Рындина, обоим сыновей – самых младших в семье – Федора и Алексея определяет с детства в лейб-гвардии Преображенский полк, в котором они только числились, как многие дети дворян екатерининской эпохи, которые, пользуясь законом о вольности дворянской, имели привилегии за счет родителей, служивших в военных ведомствах, либо в армии. Федор Дмитриевич Резанов (1768–1838) – отец автора записок, согласно формулярному списку за 1825–1829 гг., “в службу вступил в лейб-гвардии Преображенский полк капралом 19 октября 1775 года”, когда ему было всего 7 лет. Все унтер-офицерские чины он прошел едва ли не в детстве и в 1784 г. в возрасте 16 лет вышел в отставку, числясь капитаном от армии. Через два года, в 1786 г., он уже коллежский асессор в Вологодской уголовной палате, исполняя должность заседателя, в 1791 г. назначается в Вологодскую верхнюю расправу председателем, в 1796-м занимает должность председателя земского верхнего суда, по уничтожении же этого суда остается при Герольдии. В 1797 г. награждается чином надворного советника и уходит в отставку в чине коллежского советника 21 июля 1800 г.⁷ Думается, что столь стремительная карьера Федора Дмитриевича во многом объяснялась протекцией его родного дяди Петра Федоровича Мезенцева – брата его матери,

небавшееся
выражение
Б. М. Малинина
и др.

Неизвестный
художник.
Портрет
Алексея
Федоровича
Резанова.
Конец 30-х –
начало
40-х годов
XIX в.
Х., м.,
26,6 × 29,9.
ВОКМ,
инв. № 5138

который был назначен правителем Вологодского наместничества, исполняя эту должность с 1784 по 1792 г.⁸ Дальнейшая судьба Ф.Д. Резанова определялась выборными должностями – в 1802 г. он был избран в Совестный суд судьей, в 1808 г. на три года избирается губернским предводителем дворянства и в 1824-м за выслугу лет

награжден орденом св. Владимира 4-й степени⁹.

Самый младший сын Е.Ф. Резановой Алексей (1769–1809), выйдя в отставку в 1794 г. в звании капитана армии, очень недолго служил в Вологодском верхнем суде¹⁰, а с 1799 г. по 1802 г. исполнял должность уездного предводителя дворянства г. Гря-

М.Л. Колокольников
(1707/1708–1775).
Портрет
Алексея
Михайловича
Резанова –
прадеда
автора
“Арабесок”.
1751–1753.
Фрагмент.
ВОКМ,
инв. № 2834

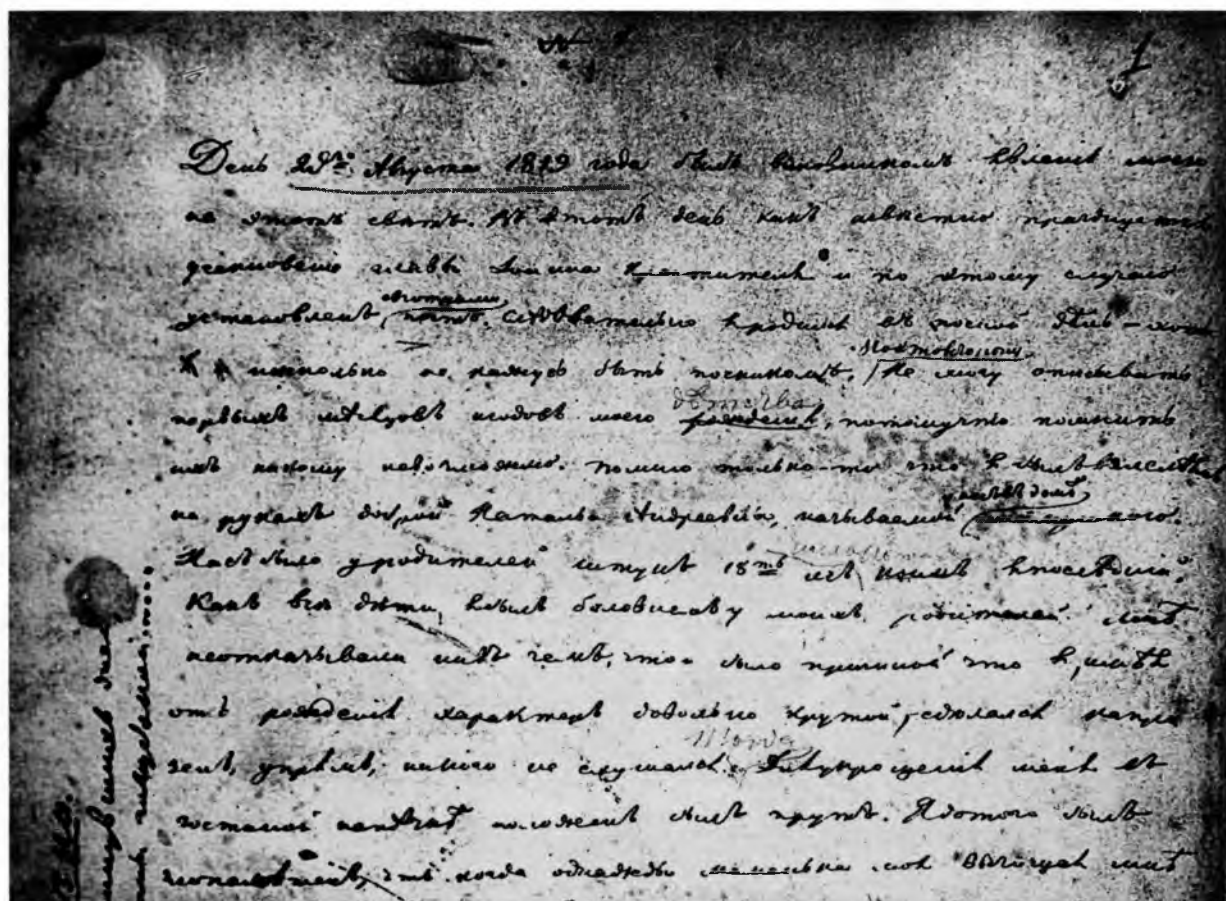
зовца, за что награжден был по указу императора Павла I орденом св. Иоанна Иерусалимского 4-й степени¹¹.

Судьба братьев тесно переплелась. Оба они в 1801 г. подают прошения о разрешении строительства каменных домов в Вологде¹², вместе участвуют в возведении усадебных домов в сельце Куркино, а с 1809 г. закладывают церковь во имя Спаса Преображения вместо ветхой деревянной церкви Михаила Архангела “что под Березою”. Церковь Спаса Преображения строилась 13 лет, после чего к селу Куркино добавилось название Спасское.

Вскоре, однако, жизнь Алексея обрывается, и Федор Дмитриевич Резанов становится полновластным хозяином усадьбы. Он долго остается холостым и женится в 47 лет первым браком на дочери архивариуса Александре Михайловне Телегиной. Этот брак был зарегистрирован 14 февраля 1813 г., когда невесте его было 39 лет¹³. По-видимому, и до официального супружества родители А.Ф. Резанова были связаны любовными узами, так как старшие сестры Алексея Резано-

ва родились за много лет до него: Надежда между 1802 и 1803 г., Мария ок. 1804–1805 г.¹⁴ Возможно, и фамилию свою они получили лишь после 1813 г. В 1814 г. у Ф.Д. и А.М. Резановых рождается сын Дмитрий (по другим документам дата рождения записана как 1815 г.), и, наконец, самый младший Алексей – автор настоящих “Арабесок” – родился в 1819 г., когда его отцу уже исполнился 51 год. Возможно, у Федора Дмитриевича были внебрачные дети от крестьянок, о чем намекает Алексей Резанов в начале своего повествования: “Нас было у родителей штук 18...”¹⁵ Федор Дмитриевич был хорошим хозяином. Он все свои силы употреблял для устройства своего родового гнезда, и едва ли в Вологде с ним кто-то мог равняться по богатству. Если в 1824 г. за ним числилось 1645 душ родовых и 250 благоприобретенных крепостных крестьян мужского пола, то к 1837 г. это количество увеличилось до 2454¹⁶. Главной же его страстью было строительство (начатое еще в начале XIX в.) усадьбы в имении Куркино под Вологдой, которая и поныне является редким образцом усадебной и парковой архитектуры.

На ее территории располагались два особняка: один одноэтажный, деревянный с четырьмя дорическими колоннами по фасаду, который в начале 20-х годов XX в. был разобран на дрова, и другой 2-этажный полукаменный. Второй этаж и все деревянные детали дома сделаны из лиственницы, дерева исключительно прочного. Этот дом с шестиколонным портиком по фасаду, вынесенным на высокий цоколь, с балконом, выходящим в парк, с 27 комнатами и громадной залой, служившей, очевидно, гостиной, дошел до нашего времени. Усадьба Спасское-Куркино включала в себя, помимо господского дома, два флигеля, музыкальный павильон, оранжерею, огромную конюшню и многочисленные хозяйственные постройки. Здесь же построены были две церкви – летняя и зимняя. В усадьбе был разбит огромный парк, напоминающий в плане двуглавого орла с кружалами, березовыми и липовыми аллеями, каскадами зеркальных прудов, островками, беседками, утопающими в зелени кустов сирени и акаций. Огромные цветочные клумбы были разбиты перед фасадом здания. Усадьба славилась также яблоневыми садами и многими реликтовыми деревьями, возраст которых на сегодняшний день превышает четыре столетия¹⁷. Как все просвещенные дворяне второй половины XVIII–XIX в. Резановы бы-

ли библиофилами. В имении располагалась громадная библиотека, насчитывавшая к концу XIX в. свыше 5000 томов. Однако, надо полагать, что и другие представители рода Резановых занимались собирательством книг, о чем свидетельствуют ремарки и вкладные надписи на их форзацах и обложках, относящиеся к XVIII и середине XIX в. Большинство книг в настоящее время хранится в Вологодской областной библиотеке им. Бабушкина. Во второй половине XIX в. преемником рода Резановых по мужской линии был Дмитрий Резанов, к которому перешла в наследство усадьба Куркино. Но именно с ним фамилия Резановых прекращается, а его единственная дочь Анна (род. в 1844 г.) вышла замуж за своего кузена Николая Федоровича Андреева, с которым прожила очень короткую жизнь и в 1880 г. умерла, оставив троих малолетних детей. Из них усадьбу унаследовал ее сын Николай Николаевич Андреев, ставший впоследствии депутатом Государственной Думы. Андреевы, так же как и Резановы, уделяли много времени

сохранению родового гнезда, построенного их предками, делали ремонты, следили за парком, обновляя его посадки, восстанавливали росписи дома и усадебной церкви, пополняли библиотеку.

Пожалуй, это была единственная усадьба в Вологде, не заложенная своими хозяевами вплоть до последних лет, пока не грянула революция. Во время революции ее постигла участь всех подобных ей помещичьих гнезд — она была разграблена, переходила из рук в руки, пока в 20-х годах в ней не поместили некий трест, впоследствии переименованный в совхоз. Остатки когда-то великолепного убранства были переданы в Вологодский краеведческий музей. Среди этих вещей, предметов мебели и гравюр оказалась и рукопись, состоящая из нескольких тетрадей с утраченными страницами и явно не имеющая конца.

Автор ее — Алексей Федорович Резанов — получил в наследство от родителей усадьбу Васильевское Грязовецкого уезда, где и умер скоропостижно от эпидемии холеры в 1848 г. Он был похоронен там же, в Ильинской До-

А.Ф. Резанов.
Арабески
моей жизни.
Фрагмент
рукописи

*Фасад
господского
дома
Резановых
в Спасском-
Куркино
Вологодской
области
(современный
вид)*

ровской церкви¹⁸. В год смерти ему не исполнилось даже 29 лет. Мы не знаем, как складывалась его жизнь, известно лишь, что в начале 1848 г. он числился почетным смотрителем Вологодского уездного училища и 16 января того же года написал прошение на имя директора училищ Вологодской губернии А.В. Башинского “о своей необходимости по домашним обстоятельствам быть в столичном городе Санкт-Петербурге” и об отпуске на 28 дней. По-видимому, этого срока показалось Резанову недостаточно, вероятней всего, по причине работы над своим сочинением, и он стал ходатайствовать о продлении отпуска еще на три месяца. В архиве Вологодской гимназии имеется копия письма попечителя Санкт-Петербургского училищного округа графа М. Мусина-Пушкина на имя Башинского: “Вследствие донесения Вашего от 3 марта сего года уведомляю Вас, что находящийся в Санкт-Петербурге в отпуске почетный смотритель Резанов обратился ко мне с

просьбой о продолжении его отпуска на 3 месяца о чем и представлено мною господину министру народного просвещения”¹⁹. Напряженная работа над книгой и грянувшая внезапно эпидемия холеры ослабила его силы, и сразу по возвращении из Санкт-Петербурга он умирает 5 июня 1848 г. Рукопись автобиографических записок, которые сам автор назвал романтически “арабесками”, осталась неоконченной. Это, по существу, черновик, написанный то чернилами разных сортов, то карандашом, с многочисленными вставками, правками, перечеркнутыми кусками и страницами. Он занимает 6 пронумерованных тетрадей. Однако надо признать, что по причине отсутствия строгого учета в первые годы существования Вологодского музея и часто меняющихся хранителей какие-то страницы и даже целые тетради могли быть навсегда утраченными. Например, отсутствует тетрадь № 3, отсюда нестыковка текста в повествовании. Отсутствует и последняя тетрадь

рукописи. Что касается даты написания, то она нигде не помечена. Можно лишь предполагать, что рукопись писалась незадолго до смерти – возможно, в течение двух или трех лет, и явно предназначена была для печати как художественное произведение. Уже при первом знакомстве с этим сочинением мы видим, что автор вводит читателя в мир, совершенно теперь забытый, однако описанный языком культуры прошлого столетия, когда жили Пушкин, Гоголь и Грибоедов. С творениями этих авторов Алексей Резанов был несомненно хорошо знаком, их он неоднократно цитирует. Об этом, в частности, говорит эпиграф: “Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой” – цитата из поэмы “Руслан и Людмила” Пушкина. “Арабески моей жизни” Алексея Федоровича Резанова так и не вышли в свет, став лишь объектом внимания местных краеведов²⁰.

Между тем, это сочинение содержит массу сведений отнюдь не только краеведческого

характера, но может считаться редким произведением художественной литературы, равно интересное и человеку науки, и простому читателю. Автор не описывает последовательно хронологически время, в котором протекала его собственная жизнь. Он будто рисует наиболее памятные, значимые сценки из своего детства, но подает их столь талантливо, что возникают живые образы и картины той эпохи. Именно потому сочинение его читается с большой легкостью. Тончайшие описания природы пронизаны у него собственным детским переживанием неустойчивой хрупкости бытия, его постоянной изменчивости, в котором рождение постоянно соприкасается с умиранием. Но при этом мы ощущаем здоровое чувство юмора и иронию автора по отношению к самой жизни, к себе и к тем событиям, которые он описывает. Автор создает живые “портреты” тех людей, с которыми соприкасался он в детстве: доброй няни Мироновны, практичного дядьки Кузьмы, двух

*Центральный
портик
с колоннадой
дома
Резановых*

*Роспись
потолка
и стен
в гостиной
дома
Резановых.
Фото
начала XX в.
Из фондов
ВГМЗ*

капельмейстеров и танцмейстера, над которыми потешались дети, переходя порой грань дозволенного, синклит эскулапов, прописавших несчастному башмачнику бесплатный билет в “Елисейские поля”. А как живо, то с ядовитой насмешкой, то, напротив, с уважением и симпатией представлены портреты тех учителей, которых нанимали для домашнего воспитания детей родители автора записок. Интересно описана эпидемия холеры 1830 г., которая унесла много человеческих жизней и наполнила страхом все население Вологды и ее окрестностей. Даже в это событие, самое по сути трагическое, он не преминул внести юмористические штрихи. Смешное и грустное, ироническое и философски-мудрое в его изложении тесно переплетаются, и это придает всему произведению Резанова необычайно жизненный, эмоционально живой характер. Но самое главное – это неповторимый колорит времени, той эпохи, в которой жил Резанов, которая ушла безвоз-

вратно, но благодаря сочинению Алексея Резанова вдруг ожила в самых ярких своих проявлениях, неожиданных нюансах и красках начиная от описания пышных деревенских праздников с подвыпившими мужиками и бабами, священников, весело плясавших со всеми поселянами камаринскую и кадрили, народных северных песен и до полных азарта игр, путешествий, переездов из города в деревню и обратно, цветистой Вологодской ярмарки и празднования именин губернатора. Наблюдения Резанова о парках, цветниках, о городе Череповце и имении Горка, принадлежавшем его сестре Надежде Федоровне Кудрявой, чьи потомки впоследствии породнились с семьей художника В.В. Верещагина, делает это сочинение необычайно ценным и как исторический источник.

В Вологодском государственном музее-заповеднике экспонируется портрет автора записок, на котором он представлен романтическим юношей, подобно Ленскому “с кудрями

черными до плеч”, в театральном костюме восточного типа, с тюрбаном на голове, в короткой курточке, отделанной позументом, с чубуком в руке, украшенным позолоченным наконечником²¹. Лицо юноши с округлыми еще подростки щеками и полными блеска большими глазами как будто излучает вдохновение и артистизм. Представляется, что, заказывая портрет неизвестному художнику, Алексей Резанов или его родители, хотели увидеть в нем актера, исполняющего роль восточного принца в каком-то домашнем спектакле. Об этом говорит такая деталь, как фиолетовая драпировка за спиной его наподобие театрального занавеса. Особую театральность придает образу юноши освещение, исходящее от искусственного источника, изнеженно-тонкая рука, держащая чубук, а также тюрбан из жемчужно-белой ткани с изысканным персидским узором, нарочито небрежно повязанный, с мягкими складками, словно колеблемыми легким ветерком. Все это подчеркивает романтическое настро-

ние, исходящее от портрета, созданного, возможно, под влиянием эстетических взглядов Карла Брюллова, чей авторитет почитался не только в столице, но и в провинции.

При подготовке рукописи к печати соблюдены следующие правила. Пунктуация приближена к современной. Сохранены все стилистические и языковые особенности текста. Орфографические ошибки и явные описки устранены. Расшифровка имен собственных дается в квадратных скобках. Вставки отдельных слов и предложений, подчеркнутые слова оговариваются в подстрочных примечаниях. Иностранные слова и фразы воспроизводятся на языке оригинала, а перевод дается в подстрочных примечаниях.

Особую благодарность за консультации и помощь при подготовке к публикации данного произведения выражаем профессору Череповецкого педагогического университета Р.М. Лазарчук, доценту кафедры бота-

*Интерьер
гостиной
дома
Резановых.
Фото
начала XX в.
Из фондов
ВГМЗ*

Спасская церковь и ворота в имени Спасское-Куркино. Не сохранились. Фото начала XX в. Из школьного музея села Куркино

ники Вологодского педагогического университета Н.Н. Репиной, старшему преподавателю кафедры французского языка Вологодского педагогического университета А.В. Буланову, исследователю Л.С. Панову, зав. отделом редкой книги Вологодской областной библиотеки им. Бабушкина Н.Н. Фарутиной, научному сотруднику Вологодского музея-заповедника И.Е. Зайцевой, учителю истории средней школы села Куркино Л.А. Шавиловой.

*

¹ ВГИАХМЗ. Отдел письменных источников. Рукопись 2-0,52 л. ВОКМ 27395. Представляет собой 6 тетрадей, из которых утрачены третья тетрадь и последняя. Бумага русская, наличие филиграней позволяет датировать ее 30-ми годами XIX столетия. Скоропись гражданская, записи чернилами и карандашом.

² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделе Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 353. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Часть IV. С. 54–55.

³ Даен М.Е. Атрибуция портретов XVIII века из ВГИАХМЗ // Памятники культуры. Новые открытия. 1997. М., 1999. С. 312–323.

⁴ Котельникова И.Г. О творческой биографии малоизвестного русского портретиста XVIII века М.Л. Колокольникова // Музей-5. М., 1984. С. 83–86, 93.

⁵ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 143. Л. 2–3.

⁶ Согласно исповедной ведомости 1792 г. церкви Михаила Архангела, что на Верхней Вологде, упоминается "сельца Гуркино коллежская ассессорша вдова Катерина Федорова дочь жена Резанова – 59 лет и ее дети Катерина – 26, Федор – 24, Алексей – 23". ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 243 за 1792 год. Л. 724.

⁷ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 47. Л. 191–192.

⁸ Годы губернаторства П.Ф. Мезенцева в Вологде взяты из архива: ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 405.

⁹ См. примеч. 7.

¹⁰ ГАВО. Ф. 832. Оп. 3. Д. 44.

¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 155.

¹² ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 67.

¹³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 10798. Л. 3.

¹⁴ Об этом говорят данные исповедных ведомостей за 1817 г.: "Сельца Куркина господин Федор Дмитриевич Резанов – 49 лет. Супруга его Александра Михайлова – 46. Дети: Надежда – 14, Мария – 12, Дмитрий – 2". ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3595. Л. 458 об. То же и по другим источникам: Ф. 496. Оп. 19. Д. 270. Л. 644 об. Некоторое разночтение в возрасте родителей А.Ф. Резанова с приведенным в тексте документом объясняются

неточными, подчас произвольными записями священников, которые вели эти книги.

¹⁵ Существует легенда среди жителей села Куркино, что у Федора Дмитриевича Резанова было много внебрачных детей от местных поселянок, которым он делал подарки в виде дорогих чашек, сервизов и прочих редких вещей, многие из которых и поныне можно встретить в домах села Куркино.

¹⁶ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 59. Л. 978.

¹⁷ Описание усадьбы в первые годы советской власти сделал писатель и искусствовед Иван Евдокимов. Его неизданная рукопись "Куркино", написанная ок. 1930 г., хранится в Вологодской областной библиотеке им. Бабушкина.

¹⁸ Метрическая книга Ильинской Доровской церкви Грязовецкого уезда. ГАВО. Ф. 496. Оп. 10. Д. 163. Л. 383 об.–384.

¹⁹ ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1759.

²⁰ Андреевский Л.И. Образование и быт в барской семье // Север. Вологда. 1928. № 7–8. С. 17–29.

²¹ Холст, масло, 26,6 × 29,9 Инв. ВОКМ 5138. Реставрирован в 1978 г. во ВНИИР. Реставратор Н.Ю. Шибалева. На обороте холста сохранилась надпись в 5 строк:

А.Ф. Резановъ – родился въ 1819 году
Августа 29 дня
День тезоименитства 5 октября
Скончался въ 1848 году
Июнь 5 дня.

АРАБЕСКИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...¹

День 29 августа 1819 года был виновником явления моего на этот свет. В этот день, как известно, празднуется Усекновение главы Иоанна Крестителя, и по этому случаю установлен св. отцами пост. Следовательно, я родился в постный день, хотя я нисколько не кажусь быть постником. Не могу описывать первых месяцев и годов моего детства, потому что помнить их никому не возможно. Помню только то, что я был взлелеян на руках доброй Натальи Андреевны, называемой у нас в доме мамушкой. Нас было у родителей штук 18-ть, из коих я последний. Как все дети, я был баловнем у моих родителей. Мне не отказывали ни в чем, что и было причиной, что я имел от рождения характер довольно крутой, сделался капризен, упрям, никого не слушался. Для укрощения меня в гостиной на печке положен был прут. Я до того был злопамятен, что когда однажды маменька моя, вычищая мне нос, причинила боль, то за это я не ходил к ней на руки и не здоровался несколько дней.

Музыкальный домик.
Не сохранился.
Фото начала XX в.
Из школьного музея села Куркино

Каменный флигель в усадьбе Спасское-Куркино. Фото начала XX в. Из школьного музея села Куркино

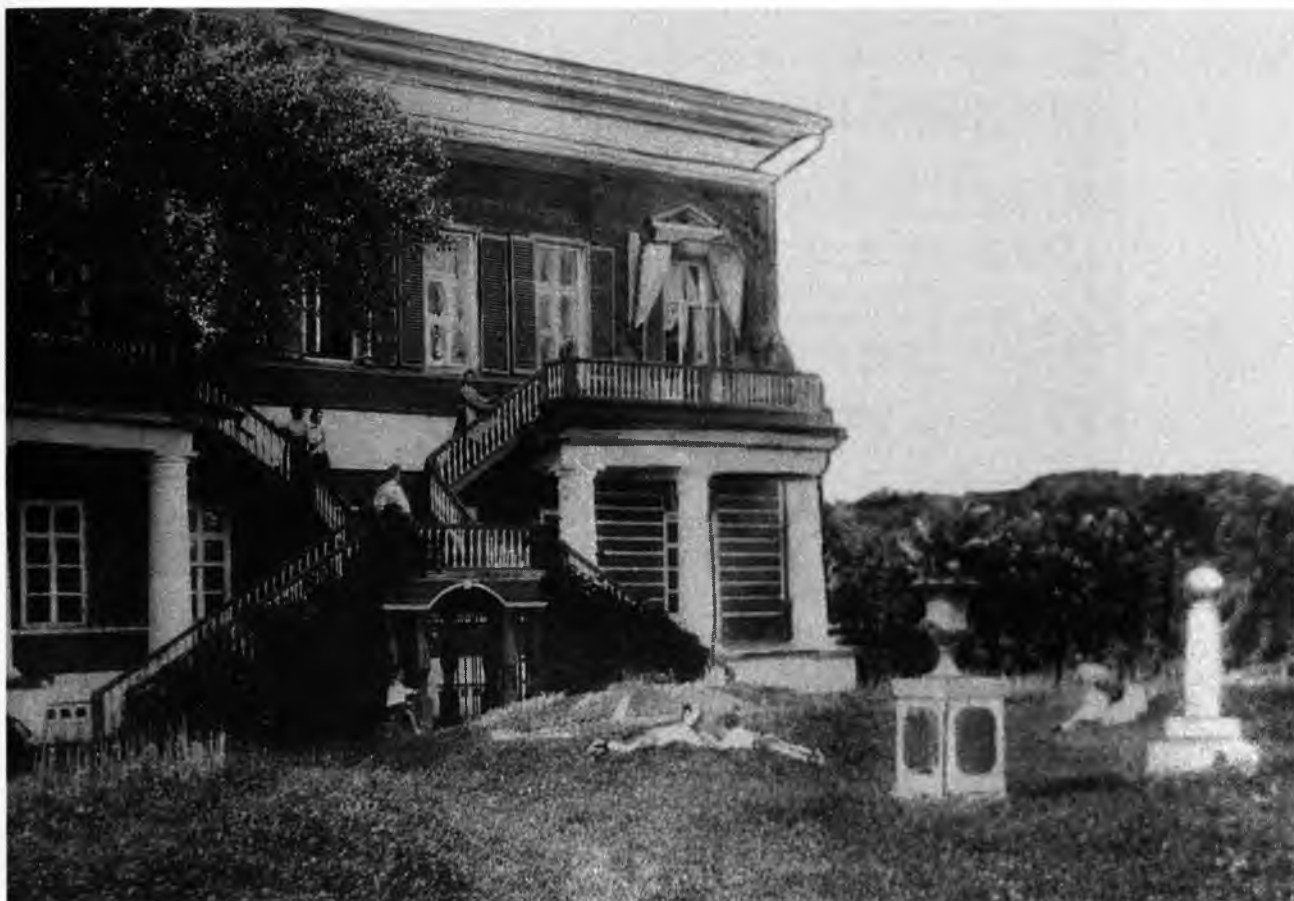
У меня были две сестры, две тетушки и брат². Сестры, по обыкновению, как старшие надомной, драли меня за уши, сердили, выгоняли меня из комнаты, когда я входил к ним. Одна из сестер и из тетушек были моими матушками крестными, и что довольно странно, что как будто от того, что они меня крестили, они и любили меня больше, чем другие³.

Наконец наступило то грозное для меня время, когда мне объявили, что уже пора начинать учиться. Сколько слез было пролито! Но, увы, на мои слезы не смотрели, и моя сестра М(ария) Ф(едоровна) засадила меня за азбуку. Я сквозь слезы повторял за ней слова и за каждую ошибку получал подзатыльники. Сестра Н(адежда) Ф(едоровна) находила большое утешение дразнить меня, когда я сидел за книгой, гладить по голове, как будто из сострадания к моему несчастью и тому подобное — я плакал и учился.

Вдруг стали говорить об учителе немце, которого выписывают для брата, а не для меня. Как я тогда радовался. Учителя немца я представлял себе никак не менее как чертом или букой, которой пугают маленьких детей. Но при появлении Якова Богдановича Штофеля мой страх пропал. Он так был добр, так ласков к нам, что не про-

шло, может быть, и недели, как я уже просиживал у него в комнате целые вечера, с ним и с женой его Матреной Федоровной. Да и трудно ли женщине привечать к себе дитя, когда взрослые люди готовы проводить всю свою жизнь у ног хорошенькой женщины. А ведь мне тогда не нужна была красота, мне нужны были конфеты и пряники, которых у нее было всегда очень много. Проводя таким образом вечера, я нечувствительно выучился французской азбуке, которую однажды экспромтом продекламировал моему папеньке, получил от него поцелуй и конфеты. После этого я у него уже стал учиться без малейшего сопротивления.

Блаженны годы детства! Всякая безделица утешает дитя и заставляет его забывать в мгновение его горе. Не без особого приятного чувства вспоминаю те месяцы, которые я провел в деревне при Якове Богдановиче. Как сейчас помню те холодные осенние утра, в которые мы ходили с ним удить рыбу в прудах нашего сада, берега которого были уже подернуты слюдой льда, или еще раньше *идти с ним в лес и выбирать вересковые палки, обчищать их и поджигать на огне. Впоследствии эти палки вошли у нас в такую моду, что мы только не спали с ними.

С каким удовольствием катались мы в дровнях по первому снегу вместе с сестрами и с Я(ковым) Б(огдановичем). С каким любопытством смотрели мы на кормление в соседней деревне каплунов, спеша поспеть туда в полдень, чтоб слышать не одну сотню петухов, кричащих в один голос, предчувствуя приближение часов, в которые их по обыкновению кормили*. С каким торжеством возвращался я домой и видел брата еще спящего. С каким нетерпением ожидал я вечера, чтобы идти опять к Я(кову) Б(огдановичу) и пускать там маленькие фейерверки, которые он сам делал для нас.

Так точно, как я выучился французской азбуке, Штофель научил меня и счету цифр, сложению и вычитанию, употребляя для этого маленькие пряники и конфетки. Одним словом, я ничего не желал лучшего в мире, был всегда весел, кроме тех минут, в которые сестры ставили меня в угол, не брали с собой гулять к козам, на птичник или на дальний пруд, который находился в полуверсте от села Куркино⁷, и запирали меня в мою спальню с няней Мироновной, на которой я вымещал всю мою злость, стаскивая с ее головы платок и щипал

ее за бородавку, торчащую на ее щеке. Она меня уговаривала, я тем более еще царапал ее и ревел. Наконец я становился на окно и смотрел в форточку, ожидая церемониального шествия капельмейстера Я.М. с несколькими собаками и кошками, в ватной шинели, в пуховом картузе с дубовой палкой, идущего для сбирания грибов в рощах сада с корзиной в руках.

Наконец меня перевели из моей спальни в одну комнату с братом⁵, дали мне дядьку Андрея (горького пьяницу) вместо Мироновны, и я, просидевши несколько часов в классах, с какою радостью бросался на шею моей Наталье А(ндреевне), целовал ее в рот, в глаза, в нос, в уши, одним словом, вылизывал у нее все лицо. И с какою досадой опять возвращался после обеда в классы, оставляя на камешках (на балконе) сестер со свитой певчих девок, выбирающих ягоды для варенья, и по окончании класса получал от них за послушание пенки с варенья. Со времени переселения моего в одну комнату с братом я стал немножко постепеннее. Видя брата, читающего иногда книги, я сам вздумал читать их. Первая книга, которую я начал читать, была "Вечерние беседы"⁶. Но я ничего не понимал, что читал, частью от рассеянности, а главное от того, что не хотел уступить брату в скорости

Боковой флигель дома Резановых с балконами и зеркальным шаром и вазоном. Не сохранились. Фото начала XX в. Из школьного музея села Куркино

*... Дописано карандашом и другими чернилами на полях рукописи.

7. Памятники культуры, 2002

Обложки книг
"Новые письма"
Ж. Ж. Руссо
и "Опыт любви"
с владельческой записью
Алексея Резанова.
Вологодская областная библиотека
им. И. В. Бабушкина.
Отдел редкой книги

чтения, который, будучи старше меня, читал лучше, и мы взапуски читали с ним, гордясь тем, кто из нас раньше кончит книгу. Для этого мы без всякого принуждения вставали в осенние дни в 7 часов и до классов со свечами читали нашим дядькам упомянутые книги.

Так текли дни моего детства под присмотром доброй Н(атальи) А(ндреевны) и Штофеля. Ничто особенное не нарушало спокойствия нашей деревенской жизни. Она текла подобно тихому ручейку, прикрытому ветками сосны, так однообразно, что за неделю вперед можно было рассказать весь ход нашей семейной жизни, оживляемой по временам приездом соседей с их сыновьями и дочерьми.

Три феномена в целый год потрясали село шумом празднующего народа, то были: Пасха, Троицын день и так называемый Чудов день (чудо архистратига Михаила), который наше село праздновало из старины – от церкви того названия, в которой до построения моим батюшкой храма во имя Преображения Господня в самом селе мы были прихожанами⁷.

Все эти три праздника отличались один от другого способом самого празднования. Именно: Пасха, этот весенний праздник, в который как будто с воскресением Христа, воскресает и вся природа, праздновался со всеми христианскими обрядами.

Как везде и всегда он начинался заутреней, потом была обедня, после обедни мы в кругу нашего семейства разговлялись сыром и пасхой с яйцами, благословленными священником, потом все ложилось отдыхать и т.д. Но главное замечательное явление было то, что на другой или на третий день праздника все соседние попы со всем причетом и с женами их являлись к нам славить и христосовать, не говоря уже о попах и дьяконах с дьячками, и пономарях с пономарицами, которые почти на половину были уже пьяные. Особенного внимания заслуживают семинаристы, которые являлись с поздравительными речами и, вставши перед образом в своих до невозможности длинных сюртуках с величайшими чубами, намазанными салом, на голове, в валяных сапогах, декламировали самым уродливым образом свои речи. Начало одной из них я запомнил. Она начиналась обращением к моему батюшке следующими словами: "О, великая персона, воссияло солнце!" Больше я не помню. Часто случалось, что некоторые из них, декламируя на память, вдруг останавливались и вытаскивали из кармана засаленные тетради, рылись в них несколько времени, чтобы припомнить забытое место, которое они с великим трудом отыскивали.

После всей этой процессии, которая обыкновенно продолжалась не менее часа, им давали де-

«Я нашла эту почтенную женщину и вы теперь ее видите.»

ВЕЧЕРНІЯ БЕСѢДЫ

въ хижинѣ,

или

НАСТАВЛЕНІЯ ПРЕСТАРѢЛАГО ОЦА,

въ которыхъ содержится пріятное нравоу-
чение, научающее непримѣнно дѣтей кро-
тости, покорности, человеколюбію и всѣмъ
добродѣтелямъ, къ которымъ должно
пріучать ихъ съ младенчества.

Резановъ

Сочиненіе Дюкре-Дюмениля
Автора Лолошпы и Фанфана,
Алексиса, Юліи, Яшенъки и
Жоржешны.

Д: _____ *Резановъ*

Часть вторая.

ХАРЬКОВЪ,
въ Университетской Типографіи
1819 года.

нег и кормили за большим столом в лакейской или в кухне. Не могу без содрогания вспоминать об этих полах, которые, напившись во славу В(оскресения) Христова, отправлялись славить по избам и напивались уже донельзя, упали на дворах в грязь с крестом в руках. В последующие дни господа перегащивались друг у друга, и святая неделя кончалась последним колокольным звоном после обеда, в т(ак) наз(ываемое) Фомино воскресение. Господа дьячки и прихожане до того звонили с утра до ночи, что мой батюшка принужден был запирать колокольную и брать ключи от нее к себе. Сверх всего этого, в первый день праздника вся наша дворня являлась христосоваться, разделившись на два батальона, мужской и женский, и мы, получивши от каждого человека по яйцу, начинали катать ими, вырывали друг у друга, бились ими и, наконец, наедались ими до того, что делались больны. Тогда от нас отбирали все яйца и садили за книгу.

День же Троицына дня, или лучше сказать последние два дня заговенья перед Петровым постом праздновались в нашем селе под качелями. С самого утра из всех окрестностей села кругом верст на 20 сходились поселяне и поселанки разряженные, что называется в пух. Мы всегда любовались с китайской беседки нашего сада на пестреющие с раз-

ных сторон группы крестьян с их семействами. Все тропинки полей кипели народом, стекающимся со всех сторон и походили на ленты всевозможных цветов, колеблемые ветерком, и солнце, озаряя их, отражало в них свои лучи подобно как в радуге. Подобно ручейкам, текущим с снеговых гор от весеннего солнца и образующим под низом водяное поле, толпы народа с шумом валили в наш двор из всех его ворот, и он захлебывался разноцветными волнами гуляющих.

Посреди этой толпы несколько человек гигантского роста в самых странных костюмах, возвышаясь на сажень подобно Тифонам⁸ посреди этого людского моря, расхаживали с палицами Галиафа⁹ и пугали мальчишек, бегая за ними и сдергивая с них огромными шестами шапки, оставляя по следам своим писк и визг поселянок, которые опрометью бежали от них, поднимая подол своего шелкового платья, совмещающего в своем колорите все существующие яркие цвета на свете.

Качели с скрипом поднимали людей и подобно аэростатам носили их по воздуху, и родная песня русская, вторя свисту и скрипу качелей, раздавалась в воздухе, то исчезая, то снова являя свои звучные перебаты, сопровождаемая игрой на кларнете и хлопками в ладоши, символами, озна-

Титульный
лист книги
"Вечерние
беседы" с
владельческой
подписью
Дмитрия
Резанова.
Вологодская
областная
библиотека
им. И.В. Ба-
бушкина.
Отдел
редкой книги

чающими излияние чувств наслаждения и радости русского мужичка, который, подгулявши в меру, в синем кафтане, в красной рубаше с пуховой шляпой набекрень, ходя под качелями, пощелкивает орешки, вытаскивая их из своих полосатых штанов и махая белым своим платком, приплясывал под лад песенников и музыкантов. Там подобно змею тянется длинный ряд сельских красавиц, нарумяненных и набеленных подобно деревянным куклам и, то свертываясь в кольцо, останавливаясь, и посреди его являлся какой-нибудь молодец с заткнутыми за пояс полами своего кафтана и, ударяя по своей трехструнной балалайке, пускался впрысдку, размахивая шляпой, вздрагивая и ломаясь подобно гальванической лягушке. То круг разрывался, снова вытягивался в разноцветный шнур и, колышась посреди бесчисленных зрителей, рвался на части, образуя несколько кругов и в середине их начиналась пляска, сопровождаемая песнями. И опять звуки кларнета раздавались посреди удалых перекатов голоса.

Даже сам владыка дерзал иногда пуститься в камаринскую, потряхивая своею сединой и запутываясь в подряснике, косил траву своей седою бородою. Вершины палаток белились подобно стаду лебедей на озере и кипящий самовар с сбитнем пускал клубы пара, приманивая к себе сельских девиц промочить засохшее от песен горлышко. На одной из них подобно шару на палатке главнокомандующего в военном лагере возвышалась зеленая елочка, сзывая удалцов подкрепить свои силы животворной влагой пенного вина и рябиновой настойкой или травником. В другой стороне гуляющие подобно стрелкам рассыпались, бегая в горелки. Но вот толпа мальчишек кидается к балкону дома, на котором появились корзины с пряниками. Они толпятся, снявши шапки и разинув рты, дожидаясь того времени, когда хозяева дома и их гости начнут горстями кидать им пряники. Они подобно муравьям толкались, давая друг друга, падая, производя тревогу, и с криком кидались на пряники, уподобляясь в этом шумном поле бекасам в степях африканских, пока ушат воды, вылитый с балкона, не заставлял их расступиться с криком, плачем и вместе хохотом. Таковая забава повторяется не один раз, и мальчишки расходятся с подбитыми глазами, растерявши свои шапки и изорвавши и перемочивши все платье, очень довольные несколькими пряниками, которые им удалось поймать на мокром песке или на траве вместе с крапивой.

Но вот запад вспыхивает пурпуром от лучей тонувшего за горизонтом солнца, толпы народа редуют, крики и песни уставших поселян начинают утихать, волны народа колышутся, рассыпаются радужными снопами в разные стороны, и звуки песен их исчезают в отдалении, вторя песне рожка, сзывающего стада с пастбища на покой, и песнь кузнечика возвещает наступление майской ночи, которая в тысячу раз бывает очаровательнее дня.

Прохладный ветерок сдувает с листочков дневной загар солнца, и мрак, подобно туманному свету в спальне красавицы, нисходит на землю, и луна, как молодая невеста, выкатывается на свое лазурное ложе и любуется в зеркале ручейка, шепотом разговаривающего с камушками, как будто боясь нарушить всемирную тишину. Удары сторожа раздаются в привязанную к амбару доску. Природа умирает. Птички, перепархивая на ветках, с щебетаньем находят себе приют на ветках зеленых рощей и, завернувши в перья свой носик, ждут утреннего зефира, чтобы, встрепенувшись, воздать хвалебную песнь Всевышнему. Но проходит мгновение, восток золотится багровым заревом, и луна бледнеет, испугавшись незнамого гостя, который уже брызжет своими лучами на природу и отражает их в дрожащих кристаллах росы. Природа просыпается, и жаворонок из поднебесья возвещает начало дня. Таковы майские ночи в нашем северном климате. Утихающий пожар запада надевает новое платье на востоке, и искры его подобны искре, упавшей в порох, покрывают поверхность густым туманом, который, оросивши землю, подобно серафиму улетает, исчезая в поднебесье. И после этого говорят, что у нас нет ночей, ночей очаровательных, божественных, скорее нет ума у тех людей, которые так говорят.

Характер же третьего праздника, то есть дня Чуда Архистратига Михаила, имеет пиком своим пьянство всего околота. Этот день собственно празднуется дворовыми людьми три дня самым неистовым образом. Еще за несколько дней котел пивоварни чуть не плавится от ходящей в нем браги и обхватывающего его огня. Не ведра и не бочки запасают люди, но бочки как пива, так и вина. Накануне праздника обыкновенно бывает всеобщая, к которой священник приходит уже пьяный. Утром же звон колоколов сзывает всех к обедне и все соседние и из самого села дворовые люди, одевшись в самое лучшее свое платье, толпами спешат в храм, как будто для того, чтобы, помолившись, просить у Бога успехов их пьянству и веселью. По окончании же обедни каждое семейство в своей избе ждет священника, чтобы поднести ему первую чарку зеленого вина и с его благословения начать свою трапезу, из-за которой все уже выползают почти на четвереньках. Вечером же начинается так называемая посиделка, которая продолжается всю ночь и опять повторяется то же пьянство, шум, и по большей части все это кончается дракой. Таким образом проводятся целые три дня и никакая власть господина не в состоянии удержать этого разгула. Во всем барском доме трудно в то время насчитать двух человек, которые бы не тыкались носами в тарелки, служа за обеденным или ужиным столом. Мы, то есть я и брат, по свойственному в наши молодые годы любопытству, бегали тайком под окна изб смотреть на эти пиршества и, не довольствуясь смотрением сквозь стекла, переодевались в какие-нибудь полубубки и, втершись в двери с толпой зевак, с удо-

Лидия
Анатольевна
Андреева
(урожд.
Гизетти)
с детьми
Анной и
Владимиром –
одна
из последних
владелиц
усадьбы
Спасское-
Куркино.
Фото
начала XX в.
Из школьного
музея села
Куркино

вольствием любовались на русские пляски, восхищаясь своим инкогнито. Ни один бал не восхитил бы меня тогда своим блеском и пышностью, как эта посиделка, на которой начиная с старого до малого все были пьяны. Огромные жбаны с пивом и штофы с вином стояли на столе, и хозяин лишь только успевал наполнять их, радушно кланяясь каждому прихлебателю, который, отпивши с полжбана (а это право составляло не менее четверти ведра), снова пускался в хоровод и притопывая своими каблуками в широких шароварах пускался впрысдку, ломаясь ни больше ни меньше, как черт перед заутреней.

Этот праздник бывает в сентябре, когда все плоды уже созреют и даже перезреют и обильной рукой собираются с деревьев, которые, лишившись своих перлов, вянют и обнажают свои ветви, с ропотом пуская по воздуху пожелтевшие уже листья свои, которые *с трепетом носятся по воздуху, как будто страшись ушиба от падения на землю, но наконец по законам тяготения падают на нее*, стелются, гниют и открывают обширное поле действия для псовых охотников, ожидающих этого так называемого времени черностопа¹⁰, как добрый христианин ждет светлого праздника. Тогда у помещиков только и бывает дела, что отъездные поля¹¹. Ни ветер, ни осенний дождь, который туманит даль до бесконечности и щиплет лицо подобно булавкам, не суть для них препоны. Бурку на плечо, арапник¹² в руки, свору борзых на руку – они рыскают по полям, атакуют, ломают огороды, врываются в чащу леса, завидя косого мошенника, который как ком снега выпархивает из своей засады, оглядывается, поводя усом, как будто в знак сомнения, и, прижавши к спине уши, как серна летит по полю, лавирует как судно под парусами и видя неминуемую гибель от своих врагов, наступающих уже на его заячьи лапы и с визгом нетерпеливых готовых уже разорвать его на части, вдруг как будто приковывается к одному месту, и враги его, подобно черепкам лопнувшей ракеты, разметываются во все стороны, оставляя ему свободное поле для утеку к опушке леса. Ни крик охотников, ни хлопки арапника тогда не в состоянии уже удерживать его полета и он, подобно усиливающемуся каждую секунду вихрю, мчится к лесу, и протяжный свист псаря возвещает невозвратную его потерю. Тогда собираются снова все охотники в одну грудку и, собравши собак на свору, ведут переговоры о дальнейшем их путешествии. Наконец опять гончие кидаются в остров, ловчий¹³ с заботливым видом, подобно евнуху в султанских гаремах, объезжает опушку леса, выглядывая вывалившуюся из него собаку, и вдруг раздается лай, который подобно колоколу на вече сзывает своих товарищей на совещание против их врага. Лай раздается сильнее и сильнее и, наконец, сливается в один неистовый гул, который слышится все ближе и ближе и вот что-то белое подобно ядру пушки с легкостью

зефира выкатывается на поле. “Ату – его” раздастся сзади и борзые, свистя подобно стрелам, летят за этим комком, настигают его, раздается писк младенца и радостное “го-го-го” доезжачего¹⁴ с поднятою вверх фуражкой возвещает победу. Нож блестит из-за его кушака, кровь брызжет и разорванные на части лапки животного кидаются зардевшимся собакам. Тут обыкновенно начинается спор о том, чья поймала, и мир заключается заздравным кубком за пролитую кровь.

№ 2

Вечереет, холодный ветер заставляет не на шутку разминаться на коне и подбавлять внутреннего жару. Звук рога раздается и весь эскадрон псарей и господ их собирается в одну грудку. Подобно разводу с церемонией делается смотр всем собакам, лошадям, псарям и зайцам и, наконец, люди, собаки и лошади тихим шагом отправляются поближе к дому, в котором самовары уже ждут на столе гостей и хозяев. Вот приезжают и хозяева с гостями, распоясываются. Приказывают высушить платье, отчистить серебряные насечки на ремнях и петлицы на кафтанах, раздеваются и, усевшись кругом самовара, наперебой рассказывают своим женам о их ратных подвигах, спорят о удалстве охотников и о скачке собак. Спорят, спорят и для уразумения дела общим советом посылают за доезжачим, который еще с арапником в руке и с рогом через плечо является рассекать гордые узел недоразумения и, получивши рюмку водки и стакан чаю, отправляется варить кашу собакам и расседлывать лошадей. Наконец, является посреди стола котлик¹⁵ с ромом. А сахарная голова подобно огненному столбу, водившему израильтян в пустынях, покрытая синим пламенем ада трещит и обтекает как худая салыная свеча через проволочную сетку в ром. Химический процесс кончается, пламя гаснет, и серебряный ковш наполняет стаканы беседующих, потом еще раз, еще раз, и устаток вместе с общим одобрением на счет скорейшего отправления на боковую разводит каждого из них в свою комнату до утра.

Прошу извинения на счет сделанного некстати отступления от моего предмета. Итак, мы вставали рано по утрам читать “Вечерние беседы”, которые лучше было бы назвать утренними. Явление учителя в класс полагало конец нашему чтению. Но вот затевается у нас свадьба. Надежда Федорова выходит замуж¹⁶. То-то радость, будут праздники, будут гости, классы на время закроются. Является жених со свитой родственников¹⁷, музыка не умолкает в саду, гостям нет счету. Наконец наступает день венчания. Плошки освещают церемониальный поезд в церковь. Непривычные кони храпят и озираются на зарево вспыхивающего скипидара и наконец марш екатерининских времен встречает новобрачных, приехав[ших] в дом. Я являюсь в курточке, обшитой серебряными шнурами, подвитой, получаю подарки от моего нового зятя (который, между прочим немногим счи-

*— Дописано по нижнему полю рукописи.

таю прибавить, годился бы мне в папеньки), бегу их показывать лакеям, нянькам и мамкам и, переломавши в тот же день по крайней мере половину всего подаренного, получаю за это выговор. Наконец праздники кончаются, на нас опять надевают нанковые¹⁸ курточки барсового цвета от чернильных пятен и “*le grammaire est l’art de parler et d’écrire correctement*”^{**} писклявым голосом раздастся в сводах классной комнаты.

Наступают осенние вечера, нам делают огромной величины и самым нелепым образом раскрашенные змеи, трещотки из бумаги гудят в воздухе, и мы в колпаках, в теплых шапках с наушниками сидим на галерее и любуемся этой невинной забавой, дергаем за шнурок, и змей с рокотом плавают по воздуху, то поднимаясь в поднебесье, то опускаясь и образуя несколько кругов в воздухе, подобно борзому коню, который грызет цепочку своего мундштука, с нетерпением просит воли, чтобы улететь дальше, дальше. Шалунья ласточка стрелой летит ему навстречу и, пораженная громом трещотки, стремглав мчится в поднебесье, расправляя свои черные крылышки, и, остановившись в воздухе, дразнит его своим протяжным свистом и, вольная, летит под кровлю дома к своим птенчикам, которые, высунувши свои полуоперенные головки, пытаются выскочить к ней навстречу. Вдруг раздастся с верхнего балкона голос: “Дети, пора домой, уже на дворе становится сыро, да есть ли на вас колпаки, а где ваши дядьки, застегните ваши шинели, домой, домой” – и балкон запирается. А мы остаемся вымаливать каждую минуту времени у наших дядек и с досадой в сердце слушаемся их, собираем змея и, спрятавши его до завтра куда-нибудь за двери, идем вверх благодарить наших родителей, а за что право не знаю, так делали наши отцы во время царя гороха, ...^{***} мы должны были делать. С какой завистью смотрели мы из окон на наших сестер, гуляющих перед домом на кружале¹⁹, собирающих кислицу и бегающих взапуски вокруг цветника. Я бы готов был тогда отдать все за одно только позволение в осенние 8 часов вечера гулять вместе с ними и дразнить собак и кошек капельмейстера Егора Васильевича с важностью расхаживающего с дубовой палкой по кружалу и собирающего в свой красный носовой платок кислицу и другие целительные травы для настою...^{***} (он, как и все великие композиторы, имел своего рода странности и довольно сильно придерживался горячительных напитков), но об этом нельзя было и помыслить. Скорее могло солнце обратить свой ход, чем мы совратить наших родителей от мысли, что на дворе не сыро и не холодно и нельзя простудиться в августе месяце в вязаных носках, в набитых пухом плисовых шапках, в валенцах и в ваточных шинелях, застегива-

ющихся на все пуговицы, которых числом было больше чем дыр в решете. Думая делать нам пользу, они делали нам один только вред из одного только педантизма к старине. Но вот уже теперь нельзя в 30 лет бегать верхом на палочке по двору и распускать по плечам кружевной воротничок рубашки, следовательно, можно было бы по примеру других приучать и детей к разным атмосферам времен года, не завертывая их в хлопчатую бумагу, как обваренных раков в крапиву. Такое соображение было бы гораздо полезнее. С другой стороны, пословица гласит, что у каждого барина своя фантазия и еще, что город, то нором, что деревня, то обычай. Да и то нужно сказать, что ведь были молодцу не [указ].

Но вот наступают темные, как львиная пасть, осенние вечера. Порывы ветра стучат и разговаривают с худо вставленным стеклом, измокшая до костей ворона надувшись сидит на шаре ворот и с карканьем летит, согнанная ветром. Дождь хлещет в окна. Черные облака как преступники, затевающие какой-нибудь умысел, то собираются в одну грудку и снова расходятся, и луна с своей вечно однообразной фигурой, выглянувши на секунду, прячется, поглощая края облаков и, наконец, совсем исчезает. Дождь перестает, ветер стихает, природа молчит, и вдали слышатся перекааты грома, голубоватое зарево вспыхивает изредка, тучи сгущаются, раздается удар Перуна, череп неба лопается, и черная лава течет по его трещинам. Потом снова водворяется тишина, могильная тишина, потом опять раздается удар сильнее первого, небо вспыхивает. Стрелы подобно мыслям мчатся по огненной занавеси, исчертивши ее неведомыми иероглифами, вдруг исчезают и огненный столп возвещает поцелуй одной из них со столетним дубом. В это-то время запираются у нас в доме все двери, затыкаются щелочки, окна запираются ставнями и тихая молитва раздается в полусовершенной комнате. Я поклонник русских пословиц, и одна из них здесь идет очень кстати. Гром не грянет, мужик не перекрестится. Поздно тогда молиться, когда опасность висит уже на кончике носа, лучше иметь несколько молитв в долгу за Богом, чем умаливать его прежде опасности, подобно должнику вымаливающему день отсрочки его векселю. За Богом молитва не пропадет. В это-то время запирались мы в одну комнату. И для чего? Для того, чтоб не видеть молнии. Да что же может быть на земле величественнее этой картины, когда небеса разговаривают с землею, когда зарево небесного пожара вспыхивает Бог знает откуда и пропадает, Бог знает куда, когда перекааты грома, подобно звуку трубы страшного суда, раздаются в пространстве. Случалось ли вам, смотря во время ночной бури в поле, вдруг как будто опалит глаза ваши от фосфорического света молнии, помните ли, как они невольно вдруг закрывались и новые образы представлялись вашему воображению. Вы открывали снова глаза и даль казалась вам темнее самой мрачности, вы с нетерпением вперяли в нее ваши

* грамматика есть искусство говорить и писать правильно (фр.)

** Неразборчиво.

*** Неразборчиво.

взоры и жаждали той минуты, когда перед вами раскроются небеса и ангел неведомым перстом на чертит заветные слова за небесные.

Но вот дождь начинает стихать, облака рассеиваются, раскаты грома раздаются уже как будто за горами, мокрая атмосфера топит пожар небесный и вспышки молнии, подобно блудящим огням на кладбище, перебегают по горизонту. Свод неба яснеет, усыпанный бриллиантовыми цветами, вершины облаков выкатываются из-за горизонта и румянятся изредка розовыми лучами, молнии, которые не смея явно спорить с серебряным блеском луны и звезд, дразнят их издаля. Что за ветер дует тогда на землю! Как легко бывает тогда душе человека в земной атмосфере, очищенной потоком гальванического небесного столба. Даже сами птички, приняв ошибкою ночную невесту за светило дня, отряхнутся на своей колыбельке и, надышавшись досыта и напившись с листочка росинками дождя, снова завертывают носик в свое перинное покрывало.

Наконец холода замораживают дождинки на пути их с неба на землю, превращают в жемчужины и покрывают ими слой земли. Природа видит последний вздох свой в отлетающих в теплые края стадах лебедей и, выслушав их отходную песнь, закутывается в белый саван мертвеца. В это-то время господа помещики начинают раздумывать об отъезде в город. Дочки бредят балами, выдумывают заранее гадания для святочных дней. Наконец с Божиим благословением начинают укладываться. То-то бывают сборы. Еще за несколько недель обдумано и передумано тысячу раз, кто поедет в каких экипажах, какие в них запряжены будут лошади. Отправляется вперед взвод дворовых людей с лопатами разгребать снег в отводах и отгонять как можно дальше зайцев, чтобы какой-нибудь косой, перебежавши дорогу, не накликал грехом несчастья в продолжении 20-верстного путешествия. Штаны на штаны, фуфайка на фуфайку, пятерные колпаки на голову, потом шапки с подвязанными наушниками. Наконец наступает давно ожидаемый день. Еще чуть свет весь двор покрывается подводами с сундуками, ящиками, перинами и пр., и пр., и пр. Народ спешит укладывать свое имущество, не желая ничего оставить на поживу как будто наступающим уже на них опять французам. Барские возки подтаскиваются к крыльцу, нагреваются или сейчас только вынутыми из печи горячими хлебами или наполняются подобно бочкам с селедками вонючими мужиками, которые своим двуконечным дыханием нагревают и заражают воздух. Вот поезд двигается. Дворецкий то едет вперед и кричит во всех деревнях, чтоб отворяли отводы, то объезжает все экипажи до последнего фургона с девками, с собачонками и кошками и осматривает, не случилось ли какое несчастье. Потом вдруг начинает отставать, отставать и пропадает при завороте, отправляясь к знакомому крестьянину в избу отвесть винца и бражки, нарочно для этого времени приготовленных. И телохрани-

тель, приехавши в город часами пятью позже господ своих, начинает уверять, что у него пристали лошади, что он принужден был в такой-то деревне кормить. Странная вещь, а мне кажется пространство от нашей деревни до города можно проскакать даже на пряничном коньке. И ему верят: "блажен кто верует, тепло тому [на] свете"²⁰. Вот уже поезд въезжает в город, церемониальное шествие тянется шагом, люди, соскочивши с своих облучков, идут пешком подле экипажей, и толпа ребятишек бежит сзади, цепляясь за запятки возков и кибиток. С крестным знаменем все входят в дом как будто в какой-нибудь склеп темницы, и все поздравляют друг друга с благополучным окончанием путешествия, сделанного как будто вокруг света. Всякой отправляется по своим комнатам и тогда обыкновенно нам, т.е. мне и брату, дается несколько дней на раскладку наших вещей, состоящих из трех кукол и 5 яблок, оставшихся после дороги. Родительское попечение не дремлет, и учитель Н.И. Ржаницын является проповедать нам словеса Божии и учить русскому языку, понимая его сам столько же, сколько доктор понимает недуг используемого им больного.

Но что это за необыкновенное движение в городе? Отчего сердце русское невольно бьется каким-то трепетом радости? Да как ему и не биться, ожидая появления солнца своего счастья на горизонте родного города. Еще с начала столь давно ожидаемого дня все улицы залились лавой народа, который клокотал и издавал протяжный гул нетерпения. Но вот удар колокола возвещает приближение русского венценосца²¹. Радость и нетерпение сжимают у всех дыхание, как будто махом неведомой руки головы у всех обнажаются, и огненный метеор летит по воздуху (это было в ноябре вечером*), освещая дрожащую на седой бороде русского слезу умиления и восторга. Русское "ура" гремит в воздухе и русский царь, как Бог посреди своих архангелов, мчится на своей колеснице, рассыпая всюду восторг и радость. Шапки летят на воздух и помрачают свод небес как будто из зависти к мирам небесным, которые блеском освещают путь благословенного и готовы затмить своим блеском светильник приверженности и беспредельной любви к своему Государю, горящей ярким пламенем в русском сердце. У них был вопль отчаяния, а в словах "ура" слышалась ненасытная страсть каждого русского вечно видеть своего отца, жить и умереть за него. Это "ура" подобно было горячей лаве Везувия, не имеющей препоны для своего течения и остывающей уже на лаврах своего разрушения. Она уничтожает на пути своем все препоны препятствующие ей к достижению цели. Но лава преданности, текущая в жилах каждого русского, еще горячее, еще страшнее готова затопить пожаром родной страсти все недоброе встречающееся ей на пути.

* Слова "это было в ноябре вечером" написаны по нижнему полю рукописи.

Таков русский, такова его преданность к Божьему помазаннику, преданность, имеющая границей одну только могилу, которая собирает остатки сил ею созданные из земли. Но душа его парит выше и праведная молитва раздается у престола отца небесного за здоровье, славу и благоденствие общего царя земного. Взгляните вы на умирающего русского человека, и вы легко угадаете его душевную молитву: “Да цветет Россия, по крайней мере, долго, долго, если на земле нет ничего вечного, кроме души человеческой”. Наконец двухдневное празднество умолкает, и однообразная губернская жизнь является снова с своими зачумленными предрассудками, запоздалыми почтальонами, просвещением и нравами прошедших веков.

Итак, Ржаницын ходил к нам в качестве высокого звания наставника юношества. Мы у него учились, ничему не научились. Дни шли за днями, недели за неделями. Сестра Марья Федоровна учила меня молитвам наизусть. Надежда Федоровна жила уже в своем доме, любясь первенцем их супружеской любви Федей²², для спокойствия которого передавали всех петухов и кур на дворе, заперли подальше цепную собаку и у всех людей ноги были босые, чтобы, Боже оборони, не ступить смело на пол или не чихнуть громко в лакейской. С полсотни нянек, над которыми главою была наследственная из рода в род мамушка Наталья Андреевна, жили (в полном смысле этого слова*) у великолепной колыбели ребенка и каждый писк его поднимал на ноги этот легион косматых ведьм. И как бы, кажется, при таком присмотре не вырасти Мафусаилу²³ ребенку, но не тут-то было. В предвечной книге судеб начертана была свыше перстом владыки судьба его и он обречен был все свое младенчество провести в болезнях. Но вот плодотворное семя начало пускать свои ростки, дети стали родиться как грибы после дождя и дюжина младенцев ознаменовала празднование медной десятилетней свадьбы. Недолго насидела в девушках и другая моя сестра. Явился Федор А. Андреев²⁴ из Ярославля и, посватавшись зимой, летом стоял уже у престола с венцом на голове. Тоже были опять праздники, то-то было веселье, обеды, балы, вечера не успевали сменять друг друга. Но прежде всего этого молодой жених отправился закупать подарки и наряды своей невесте. И ему поручено было в числе галантерейных вещей купить для нас куколку – учителя.

И вот является учитель с огромным красным носом, с черными барашками на голове, с пустотой и глупостью в голове. Начинает нас учить как попугав французским разговорам, приманивая сперва к ним бисквитами, а потом арестом на колени или ставкой в угол. Принялся-то он за нас сперва хорошо, но по недостатку характера не смог свести хорошо концов. Не прошло 3-х меся-

цев, как мы уже таскали его за нос, настоящее подобие колбасы, от которой он, кажется, получил и фамилию свою M. Boudin. Но этого было мало, шалостям нашим не было грани. Притащивши с конюшни вожжи, мы опутывали ими стул и, посадивши на него нашего И. Ивановича, возили его по залам, то он нас, то мы его. Время текло, а мы ничего не успевали. Родители наши были в полной уверенности, что учитель француз не может быть дурак. И все мы оставались довольны нашим положением. Мы, потому что нас не заставляли учиться, родители наши потому, что им обещали сделать из нас людей самых просвещенных, а учитель потому, что за ним никто не смотрел. Бывало вместо классов мы выбегаем в палисадник гулять и, ловя на лету бросаемые учителем из окна вишни, кидались на землю, зеленили наши колени, рвали платье и в 6 часов возвращались домой пить чай, после чего отправлялись с учителем гулять по городу, в котором он уже успел сделать разного рода интрижки.

Наступала зима, река замерзала, и мы отправлялись после обеда гулять по льду, восхищаясь блестящими солнцем, пересыпающего своими лучами алмазные искры на поверхности белой груди реки Вологды. Но так как каждая вещь на этой земле имеет предел, то и поведение его, перейдя уже предел всех приличий, обратило на себя внимание наших родителей. Ему отказали. И вы, может быть, полагаете, что мы остались без учителя? Ничуть не бывало. Ржаницын как подставной рекрут в присутствии опять явился со своим катехизисом, грамматикой и прочими книгами географическими и историческими. Мы учились, учились и все-таки ничему не научились. И вместо того, чтобы слушать его рассказы, мы ерошили ему голову, называя его нечесанным, убегали из класса, щелкали его по носу и лишь только время приближалось к часу окончания классов, мы, побросавши книги на пол, кидались на нашего ментора, оседлывали его, роняли на пол и по зову лакея шли вверх здороваться с папенькой и маменькой и садились обедать. После обеда нас нужно было искать с собаками, чтобы вести в класс, да, вести, потому что мы сами никак не шли, несмотря ни на ласки, ни на угрозы. Удар колокола к заутрене прекращал в миг нашу беседу из святой истории, и Ржаницын отправлялся домой с красным от шипков носом, с растрепанными волосами очень довольный полученным им рублем или двугривенным.

Вот каково было наше воспитание. Вот какими людьми заброшены были в сердца наши первые семена науки и любви к Богу и ближнему. Но недолго порадовала нас эта свобода. Вторичный отъезд в Москву Ф.А. Андреева был опять причиной явления к нам нового учителя. Боже мой, не учителя, а мясника, не наставника, а пивной бочки. А.А. Сироватка был пузатое существо с затекшими от пьянства руками и рожей – живой картиной полнолуния, облитого кровавым заревом пожара.

* Слова “в полном смысле этого слова” написаны по нижнему полю рукописи.

По пословице: рыбак рыбака в плеске видит, он в тот же день познакомился с капельмейстером Е.В., носящем на себе тоже препорядочную пузу. Такое знакомство имело следствием каждодневные игры в пикет во время классов. А мы с каким нетерпением сидели за нашими столами или спрягая немецкие глаголы, или усевшись перед открытой книгой фран.-нем.-русских вокабулах, подобно жидам в синагоге кричали вместе, не понявши ни полслова из всего читанного. Не в состоянии будучи терпеть больше от собственных шалостей мы начинали хохотать, и учитель, вскакивая как бешеный со стула и крича: “У меня на кож, *polisions gue vous etes*”^{*} и, схвативши за уши, растаскивал нас по углам на колени.

Так нечувствительно прошло время зимы. Солнце уже начинало прожигать снег своими лучами. Река подобно девятому валу в бурю вздымала уже свою синюю утробу. Уже петух, размахивая крыльями, гордо напевал свою однообразную песню и гуси вереницей тянулись по улице, расправляя свои длинные шеи и рылись в грязных лужах. Все это предвещало скорые сборы в деревню. Время шло, снег таял, и мы по последнему зимнему пути отправлялись в Куркино. То-то была опять радость, да как было и не радоваться. Там будем опять гулять по рощам, собирать грибы, пускать змей, будем воровать у садовников фрукты посреди разбитых стекол в сарае. Да и в самом деле, что может быть приятнее встречи весны в деревне, когда поля начинают постепенно обнажаться, ручейки лепечут невнятную песнь, пробиваясь по снегу и увлекая его за собой, растут, растут и подснежными каналами, подобно червям, точат зимнюю оболочку земли. Весенний ветерок способствует им. И проталины, эти глаза земли посредством которых она созерцает обновление органической жизни, дают приют прилетевшему уже из теплых краев жаворонку. Но земля еще мертва, она еще подобно заключенному в темнице просит помощи, изъясняя трещинами свои просьбы, роса небесная падает на нее, освежая грудь ее и пожелтевшие листочки зеленеют, пригнетенные к земле цветы бодрятся и вдохнувши воздуха качают разноцветными головками.

№ 4

Всего было смешнее смотреть на рыдван²⁵ капельмейстера, запряженный самими скверными клячами, на козлах которого должность кучера исправлял какой-нибудь псать или сапожник. Это был настоящий Ноев ковчег. Начиная с самого капельмейстера, весьма похожего на медведя, укутанного поперек и крестообразно несколькими пуховыми платками и его дражайшей половины, окруженной несколькими собачонками зашитыми в войлоки и кошкой, которая будучи запихана в мешок, высовывала свою усатую морду и мяучила самым несносным образом, до передовой пегой лошади, которая

все ворочалась назад. Это был настоящий поезд выгнанного в военное время из своей корчмы жидка с его паршивыми ребятишками и дородно смердящей половиной. Но вот при благополучном шествии одной лошади вздумалось без приказания кучера скакнуть несколько раз и дернуть повозку сильнее обыкновенного. Вдруг весь поезд останавливается, начинается тревога, все люди бегут к этой лошади, которая остановившись с удивлением обнюхивала их всех. Седоки выходят из кибитки и никак не соглашаются снова сесть в нее до тех пор, пока вновь запряженная лошадь не объездит взад и вперед мимо их. Тогда опять поезд движется и проехавши несколько верст шагом дерзает наконец пуститься рысью вдоль по реке.

Путешествие кончается, и мы в городском доме. Кривой буфетчик встречает нас на крыльце, и на другой день рассылаются человек по всем родным, которых у нас наберется ни больше ни меньше как полгорода, возвещать о явлении нашем на горизонте города Вологды. И вот съезжаются огромные возки набитые племянниками и племянницами, внуками и внучками.

Время идет. Приближается Николин день — день знаменитый в то время в летописях вологодских событий. Губернатор празднует свои именины²⁶. Чиновники в мундирах с поношенными шляпами являются поздравить его, барышни шьют новые наряды к балу. Наконец на часах бьет 8 часов, мы все спешим, боясь опоздать. Сестры мои являются на смотр к моему батюшке и матушке, которые закутавши их без пощады в меховые салопы и теплые сапоги и навертевши на их головы несколько пуховых платков, принимаются потом кушать нас. Наконец мы, сам шесть, вползаем в огромнейший возок, который целое лето стоял с закрытыми окнами и в котором по ночам спали несколько кучеров. И эта колымага, запряженная разномастными лошадьми и управляемая пьяным кучером, движется, издавая при каждом толчке или ухабе самые жалкие вопли по случаю почти развалившегося уже всего корпуса.

Я еще тогда не танцевал, потому был очень доволен тем, что губернаторша²⁷, которая меня очень любила, уведя меня в свою комнату наполняла мои карманы разного рода конфетами. Бал бывал обыкновенно всегда блестящий не столько по блеску, сколько по множеству гостей. Все мужчины, носящие на плечах фракки, и все барышни, умеющие делать *pas de chasse* и *glissade*^{*} находились тут. Старушки по обыкновению дремали, сидя в креслах и набивая свои ридикюли конфетами и яблоками, старики играли в вист по пять раз подряд, а молодежь танцевала до упаду. И наконец когда уже у всех кавалеров развились...^{**} их волосы, несмотря на восковую помаду и янтарное мыло^{***},

^{*} па-де-шассе, глассе (танцевальные шаги) (фр.)

^{**} Неразборчиво.

^{***} Слова “несмотря на восковую помаду и янтарное мыло” написаны по нижнему полю рукописи.

^{*} ах, какие вы шалуны (фр.)

когда у барышень полопаются шнуровки и ленточки у башмаков и когда их локоны, распустившись от вихря вальса, небрежно разлетятся на их атласную шейку и перемешаются с жемчугом и бриллиантами, когда карточные столы опустеют и игроки, собравшись в кучку, любуются на их дочек, шепча им, что уже пора ехать, когда свечи и лампы начнут уже гаснуть, тогда все разъезжаются, кто с наполненным бумажником, кто с таким же ридикюлем, кто с воспоминанием неразгаданных пошлых фраз, пущенных во время мазурки, кто с усталостью, кто с досадой на скорый конец бала, а я с набитыми конфетами карманами и с воеющим уже давно над глазами сном.

Но это еще не праздник, праздник-то еще впереди. Святки – вот время, в которое все веселятся, что называется, до упаду в Вологде. Балы, обеды, катанья, маскарады не успевают сменять друг друга. Хотя все это делается в миниатюре в сравнении с увеселениями высшего света, но не менее того. Трудно видеть чтоб кто-нибудь скучал на святах и несмотря на то, что в маскараде бывает не более как масок пять или шесть, закутанных в салоны или распустивших с ног до головы свои шали, которые, не умея мистифицировать себя, сейчас бывают узнаны, но все-таки бывает весело. Музыка, этот волшебный двигатель молодых особ, как бы она ни пищала, все-таки громом своим вдохновляет веселье и расправляет ноги у молодых людей женского и мужского пола.

Наш Антон Антонович был враг всех увеселений такого рода. Он довольствовался беседой с Егором Васильевичем, играя целые вечера в пикет и заключая игру по обыкновению спором или ссорой, которая продолжалась не более как до завтрашнего вечера, в начале которого они как дикие звери, надувшись друг на друга сперва не говоря ни слова, но потом опять заключают мировую и садятся за работу. Но однажды, когда, сидя за картами, они пили чай, капельмейстер, желая высказать остроумие своего ума, сделал очень невыгодное сравнение для Сироватко, сказавши, что он, пивши свой чай с блюдечка, производит шум совершенно подобный хрюканью свиней над корытом, тогда французское честолюбие вспыхнуло в нем, и он, не в состоянии будучи отомстить ему словами, пустил в него лежащей на столе колодой карт, которая разразившись на самой физиономии несчастного Е.В. разлетелась по всей комнате, своротивши набор его парик. Затем из уст Сироватки посыпались как дождь все существующие на французском языке ругательства, изливши которые, он выбежал вон и, хлопая всеми дверьми, убежал в свою комнату. Каковая процессия продолжалась несколько дней при появлении Егора Васильевича в классе.

Время летит. Зима проходит. Мы учимся каждый день и ничему не научаемся. Трудно было чему-нибудь и научиться. Я полагаю воспитание юношества есть самоцветный камень, вплетенный в венок жизни человеческой. Юноша подобен мо-

лодой ветке, которая гнется смотря по тому, с какой стороны на нее подует ветер, но не ломается. Столетние деревья вырываются с корнем от бури, а молодая ветка только свистит, приклоняясь к самой земле, и по минованию бури она опять выпрямляется, опять растет и заботливая рука садовника привязывает к колышку, распрямляя гибкий стан ее. Юноша, видя перед своими глазами дурные примеры, удерживает их твердо в своей памяти и черты их у иных оставляют неизгладимые следы, которые клеймят всю жизнь человека, подобно роковой печати, выклеянной палачом на лбу преступника. У иных же сила воли, этот рычаг двигающий всей массой действий человеческих, стирает их с его чела. И семья разврата, зароненное на почву способную производить и дурное и доброе, подтачивается острием рассудка. Хотя это зависит совершенно от воли человека, но не менее и от образа жизни, какую он себе изберет, от избранных им занятий, или другими словами от круга действий в которых он находится. Уверьте вы магометанина, что христианская религия есть самый важный источник в достижении вечного блаженства. Он вам никогда не поверит. Почему, потому что он слепо покорился своему закону. Уверьте развратного человека, что его поступки чернят не только его самого, но даже унижают человечество. Он вам никогда не поверит, потому что, запутавшись в тернии разврата, он уже не в состоянии высвободиться из него. Ум его мрачится, сознание пропадает, и он делается поклонником своих страстей. Посмотрите вы на человечество вообще и вы увидите бесконечную разнообразность характеров, мыслей, чувствований, страстей, способностей и впечатлений.

Скажем несколько слов о человечестве. Хотя первобытный человек, созданный Богом по его подобию, получил душу чистую и ум, направленный к одной доброй цели (потому что зло нравственное и физическое не могло тогда еще существовать), и так как род человеческий расплодился от одного корня по лицу всей земли, то отчего же люди, получая друг от друга наклонности совершенно одинакие, являют характеры совершенно различные, различные до бесконечности. Отчего первая отрасль человека Каин решил на убийство своего брата Авеля, не видя и тени подобного примера перед собой? Это верно показывает, что человеку дан ум, который не имеет пределов. Столпотворение Вавилонское есть уже в высокой степени гордый замысел человека противоборствовать самой природе. И это-то самое столпотворение, послужившее причиной рассеяния людей по всему лицу земли, было вместе причиной, побудившей каждого человека по избранному им месту жительства составить себе идеал мыслей и по избранному им роду жизни развивать свои способности, применяя их к обстоятельствам жизни и нужда заставляла их изучать природу не столько по опыту, сколько сочувствию его мыслей с ней. Природа служила для человека образцом, по кото-

рому он составлял свой идеал. Природа была руководительницей его поступков, она была его матерью. Житель севера и житель юга, один взлелеян вечными снегами, а другой лучами палящего солнца, имея при рождении одну цель – существование, избрали для себя совершенно различные наслаждения. Один восхищался криком белого медведя, с удовольствием прислушивался к реву бури, срывающей ледяные утесы с гор, питался собственной охотой и часто оспаривал кусок своего существования в борьбе с шакалами. Между тем как житель юга, покаясь под сенью лимонных и померанцевых деревьев в упоении прислушивался к тихому щебетанью птичек и при говоре прозрачной струи, омывающей разноцветные камни, и слушая, он засыпал беззаботный, не имея нужды для следующего дня искать потребностей необходимых для поддержания его существования. Одним движением руки он собирал обильную жатву для своей пищи. Человек был тогда счастливым созданием. Судьба, назначившая ему сферу действия, вполне удовлетворяла не только его потребностям, но и прихотям. Зависть была чужда человеку, каждый был доволен своим жребием, бросившим его на неизвестную стезю. Но это блаженное состояние человека продолжалось недолго. Вопрос, который задал себе человек был причиной его деятельности. Кто я? Где я? Для чего я? Эти вопросы заставили его сомневаться в довольстве его состояния. Он уверился, что цель его существования должна быть отлична от цели других существ. Он начал изучать природу и, углубляясь более и более в ее тайны, он увидел, что одиночество ее есть вещь невозможная. С этого времени начинается борьба человека с природой. Природа по своей бесчисленной разнообразности хоть и не могла удовлетворить вдруг его потребностям, тем не менее человек, созданный обладать ею, не оставлял и не оставляет ее изучать. И при исследовании ее первая мысль его была, что, изучая природу как творение, он должен сперва изучить творца.

Отсюда происходит бесчисленный ряд философов, которые, изучая творца в применении к природе, составляли в своем воображении идеал, который по необходимости должен управлять миром. И они, не будучи не просвещены светом христианской религии, искали в самой природе этого делателя и поклонялись огню, воде и прочим стихиям. Природа была слаба, чтобы представить в себе творца своего. Священное писание, этот главный источник через который открыто было человеку познание высокой истины. Оно, представляя собой пример неслыханной еще в летописях мира по своей мудрости и неисчерпаемости высоких истин, писанных людьми необразованными, занимающихся самым грубым промыслом, было основанием благосостояния людей, оно открыло ему великие истины, которых человек искал в тьме предрассудков, и было есть и будет до скончания веков непобеждаемой скалой против всех святотатственных помыслов, которыми язычники впоследствии

осмелились потеснить его и слова, писанные рыбаками, устояли твердо против гонений целых народов и открыли и распространили свет, “иже просвещает каждого человека грядущего в мир” и истину, которая переходит из рода в род в продолжение тысячелетий, удержала свою правоту и заставила потомство благоволить перед своей твердой и удивляться ее непоколебимой стойкости, которая может удержаться будучи поддерживаема существом высшим, существом виновником всего существующего – Богом.

Природа столь разнообразна в своих явлениях, что не человек, но человечество способно изучать ее. Пылинка, сдуваемая дуновением ветра, подвержена тем же законам природы, которые движут мириадами миров. Капля воды кипит деятельностью наравне с океаном. Полнота жизни является в малейшем атоме творения, и природа, будучи тесно связана с человеком, невольно заставляет его изучать ее тайны. Человек, поднимаясь на ледяные горы Северного океана, презирает свою гибель, он жаждет знания, и пожиная плод своих трудов, он передает его для оценки своему потомству, которое, не видя иногда прямой пользы от его изысканий, побуждаемый примером и подстрекаемый любознательностью, сам потом завлекается любопытством и довершает то, что было начато предшественником.

Если страсти и порывы уже проявились в первосозданном человеке, то нет никакого сомнения, что люди впоследствии более образовавшиеся были еще более увлекаемы страстями на обширном их поприще. Из той же самой природы, которая сперва была для них загадкой, они извлекли источники своего богатства, как вещественного так и умственного. Если бы Вольт и Гальвани через ничтожный опыт над ничтожными животными не открыли присутствия электричества во всяком теле, тогда бы двигатель органической жизни в природе не был бы доступен уму человеческому. Гром и молнии были бы для него чудом. Если бы Галилей не открыл силы и могущество каждого тела, если бы в силе кручения не открыл закона притяжения малых тел к большим, тогда смелый взор человека не проник бы в надзвездные миры. Звезды бы остались для нас теми же сальными огарками, воткнутыми в небо. Луна почиталась бы тем солнцем, которое создано для того, чтобы разгонять своим светом тьму ночей. И радуга осталась бы тою же змеею, пьющею с двух концов лишнюю воду из рек. Так думали люди необразованные. А нынче разве весь свет наполнился умницами? Разве нет дураков? Не беспокойтесь, они как грибы после дождя растут не сеянные. Отчего же кажется быть дуракам в таком веке, в котором столько набито ума, что он, не найдя себе места, заходит за разум.

А разве вы не знаете, что некоторые люди скорее задаются, чем последуют за образованным веком и оставят в покое благословенную старину во время которой жили их предки, не видевшие да-

лее своего носа, старину, во время которой лешие и ведьмы бегали по лесам и пугали своим шумом, когда воспитание молодого человека ограничивалось прочтением часовника и псалтири в присутствии приходского дьячка за осьмину ржи, когда сальные девушки сидя в теремах горевали о своих любимых и получали от их нянюшек водицу с пеплом испанской и сожженной бумажки, когда святая вода изгоняла забившегося в утробу женщины нечистого духа, когда Илья пророк ездил на колеснице по мосту через медовую реку и производил гром, когда с неба валились калачи, когда Иван царевич сватался к Марье царевне, когда мыши погребали кота, а соловей разбойник свистел в дубравах лесов и так вставал перед тобою, почтенный читатель, если ты только поклонник старых законченных мнений и привычек, как конь перед травой.

№ 5

Обращаюсь к делу. Итак, я сказал, что мы учились и ничему не научились. Не верьте этому. Мы как нельзя лучше успевали. Что же вам больше. Учась еще только у четвертого учителя и не больше как лет пять, познакомившись с русской азбукой, я уже говорил по-французски, читал по-немецки, знал почти всего Телемаха²⁸ наизусть по пословице *a force de forger on devient forgeron*^{*} и в добавок к тому прошел всю русскую грамматику и знал, что в России не одна, но две столицы – Москва и Петербург, что в Москве были французы и озябнувши от сильного холода, который, как мне сказывали, Бог послал для того, чтобы заморозить всех нехристей, они начали топить улицы города, зажигая дома. И что она, как древняя русская столица удержала до сих пор право венчать на царство царей. А о Петербурге тогда ничего не знал. И это ясно, ведь Антон Антонович приехал из Москвы. А от домашних я не мог ничего слышать, потому что они знали о Петербурге не больше моего. Но зато теперь я знаю очень хорошо, слишком хорошо эту obnovу русского царства, созданную по выкройке Петра I, эту скалу увенчанную венцом русской славы, которая стоит твердо перед бушующим морем и подобно планете окруженной своими спутниками, она не боится губительного вражеского ядра. Сверх того я выучился поговоркам и ухваткам от лакеев, в обществе которых я был по необходимости, не имея другой для себя партии знакомых. Выговор мой от этого так был груб, что когда я приехал в Петербург, то удара мои на “о” производили судорожные движения на лицах слушающих.

Наступил Великий пост. Унылый звук колокола гудел, наполняя воздух своим эхом, и изредка повторялся удар по велению руки пономаря, который стоял на земле и дергал за протянутую с колокольни веревку. Наступала страстная неделя, и мы все гуртом говели, отправляясь обыкновенно к по-

ловине обедни. Наконец являлся священник исповедать нас. Я вам скажу, что эта процессия имела тоже свою...^{**}. Перед отправлением к духовному отцу мы вереницей ходили по всем лакейским и девичьим, прося прощения у людей в сделанных нами преступлениях, потом по жребью отправлялись на исповедь и, не раскаявшись в половине наших грехов, бегом возвращались назад, делая друг другу другого рода исповедь. Эту неделю обыкновенно мы не учились и взамен того завтракали каждое утро редьку с луком, которая напоминала нам себя целый день, и щипали шелковые тряпки для окрашивания в них яиц, число которых нам назначалось, смотря по летам и по званию, иному десяток, другому более и т.д. Целую субботу мы пачкались подобно алхимикам в эссенциях вываренных из разных цветных бумаг, из луковых перьев, из сушеных листьев с метелок и т. под. Звук колокола полагал конец всем нашим химическим процессам. И возвратясь из церкви, мы ложились спать, чтоб не уснуть за заутренней и не сжечь восковой свечкой своего носа и, проснувшись, с нетерпением ждали рокового удара с колокольни нашей церкви, иллюминированной тремя площадками.

Чувство, которое никакой язык не выразит, наполняет душу в эти мрачные минуты, когда в церкви блестит одна свеча перед ликом Спасителя и когда тихим голосом повторяются все земные страдания Христа, когда в каждом доме царствует тишина, угрюмая тишина, обыкновенная предшественница необыкновенного явления. Какой-то тайный трепет производит тогда в нас первый удар колокола, при звоне которого все от малого до старого толпами спешат в храм, чтоб услышать радостный клик: “Христос воскрес”, клик, который проливши в сердце каждого христианина утешительный бальзам, заставляет его с восторгом произносить: “Воистину воскрес”. Не могу без смеха вспомнить о нашем регенте-капельмейстере, который, завивши в кудряшки свой парик, вытасканный в пыли из кладовой, в которой он лежал от самого Нового года. Надевши фрак с посеребрёнными пуговицами, из-под которого на четверть высывался гарусный жилет бланжевого цвета и медная цепочка с фунтовыми печатками тянулась из-под него почти до колена и, болтаясь в разные стороны, звучала подобно бубенчикам на пасущихся в поле коровах и резонировала со скрипом выростковых сапогов. И так как он был скопец, то ему все давали, христосуясь, вместо одного яйца по два. Он со свитой доморощенных певчих с наполненными карманами яиц шагал за крестным ходом, ударяя камертоном по их голове и мычал разные тоны, хватаясь за карманы с раздавленными от тесноты яйцами. Отчаянию его не было конца, когда, передавивши все яйца, ему нечем было христосоваться. Мы же, пользуясь суматохой, таскали яйца из огромной корзины, которую человек носил за нами. По окончании обедни мы разговля-

* привычка ковать делает кузнецом (фр.)

** Неразборчиво.

лись яйцами, печенкой, куlichem с сыром, который с трудом можно было пропихать в горло.

Сироватко, мало заботясь о всей этой процессии, храпел как удавленник на своей постели и, так как ему решительно нечего было делать в продолжение всей недели, то он за благо рассудил для своего увеселения делать выпивки. И продолжая их всю неделю, он не мог вдруг прекратить своего наслаждения, что и было причиной, что мы и после святой недели не учились несколько дней, тщательно скрываясь от наших родителей в учебные часы. Но наконец кутеж его кончался, а с ним и наша свобода.

В этот год батюшке моему вздумалось провести лето в другой деревне – Васильевском²⁹, которая была забыта со времени вторжения Наполеона в Москву, к счастью старост и управляющих, которые могли располагаться в ней по своему произволу. С каким нетерпением ждали мы отправления в эту невиданную еще нами усадьбу. И наконец увидели ее окруженную болотами и дремучим лесом и наполненную комарами, которые подобно саранче толпами являлись каждый вечер, напевая свои пискливые песни. Нужно было видеть Сироватку, который как сумасшедший бегал за каждым комаром, который осмелился укусить его. И при его массивности потел как пыльщик. Все предосторожности с его стороны были взяты против врагов его: в окна он вставил сетки, в которые едва-едва мог проникать только воздух. Двери в его комнату совершенно не отворялись никогда, вонь в комнате стояла нестерпимая, но он с мужеством выносил дохлую атмосферу своего воздуха, куря без пощады рублевый табак. Все это кончилось тем, что от вечной сырости у него сгнил почти весь матрас, на котором он спал. Должно полагать, что сновидения его были очаровательно прекрасны с примесью гнилушки.

С какой неистовой радостью рано утром бегал он по одной и той же аллее, ветви которой были столь густы, что луч солнца не мог проникать через них, повторяя тот же самый маршрут и после обеда. В самом деле, аллеи нашего сада имели необыкновенную прелесть. Столетние деревья, заключивши свою вековую дружбу крепким обжатием ветвей, представляли нечто вроде подземного хода в конце которого виднеется слабый свет и человек, преследуемый всегда лучами палящего солнца, с каким удовольствием войдя в эту зеленую пещеру обнажает свою голову и вдыхает ароматический запах окружающих аллею цветов. С каким восторгом прислушивался к отрывистым перекатам пеночки, которая вяясь над своим гнездом, в котором хранится все ее блаженство, как будто старается очаровать своим пением мимо проходящего человека, и видя его удаление, она с заботливостью спускается в свое гнездо. В этих-то аллеях мы прогуливались с Антоном Антоновичем и с заботливостью старались скрыть друг от друга отысканное которым-нибудь из нас гнездо. И когда уже солнце, как будто истощивши силу

своих лучей, начинает удаляться от нашего зенита к западу, когда прохладный ветерок пролетит как резвое дитя, распутивши свои ручонки бежит за бабочкой, и освежит воздух, прогоняя солнце все далее к западу, тогда-то очаровательно смотреть на засыпающую природу, убаюкиваемую подобно ребенку гулом пробегающего по лесам ветерка и щебетаньем птичек и говором не умолкающего еще народа, возвращающегося толпами с полевых работ. С каким удовольствием вы тогда прислушиваетесь к однообразным ударам молота поселянина по своей косе, как жадно впитая в себя аромат, веющий на вас с долин, обнаженных размахом косы, которая не щадя ни ландыша, ни незабудки срезывает их вместе с терновником. Прислушайтесь хорошенько, ведь они жалуются вам на безжалостную судьбу и, не имея языка, они истощают последний свой аромат, чтобы он вместе с ветром донес вам весть об их гибели. Они, подобно умирающей лебеди, собирают последние свои силы, чтобы отплатить природе за ее заботы тем, чем они славились за время их существования. С какой жадностью тогда ястреб устремляет свой взгляд из поднебесья на разоренное гнездо чайки, которая с жалобным криком вьется над худо еще оперенными детками и манит их под защиту ивового кусточка, но они, изнеможенные, останавливаются и, вытянувши шейку, с писком приклоняются к земле, видя реющего уже над ними врага. Как дико завывает тогда пес, стараясь освободиться от своей цепи, прикованный к житнице, вливая какую-то тоску в сердце человека, слушающего странные возгласы копушки³⁰ и вдруг выведенного из думы полетом летучей мыши, с шумом устремляющей свой полет на разостланное на траве белое полотно. Вот и филин, взмахнувши своими крыльями, оставляет свою засаду и как опытный казак дозором отправляется отыскивать себе добычу. Как безжалостно бросается он на нее, с какою быстротой обнажает он ее от ее разноцветной одежды, пуская ее по воздуху и с ужасом от нее удаляется, испуганный топотом заблудившейся лошади, которая с ржанием носится по полям, ища своих товарищей.

Вот и сторож церковный звонит полночь на колокольне. Взгляните тогда в даль на запад. Вы не увидите уже пурпурного разлива зари в том месте, куда она утонула. Вам покажется, что земля, как будто прогоревши от нее, расступается и, извергая из-под себя белый дым, который расстилаясь по поверхности окутывает грудь земли белым саваном своим, колышется на ней подобно флеровому шарфу на груди взволнованной красавицы. Тогда-то природа тонет перед глазами человека, утомленные его ресницы тихо смыкаются, и мысль, окрылившись прошедшими воспоминаниями, переносит его в мир идеальный.

Воображение, этот фантастический живописец, рисует перед ним бесконечные картины прекрасного и дурного, то ведет его на эшафот, то делает его царем всех наслаждений, то сыплет ему

щедрою рукою золото, то вдруг надевает на него суму нищего, то несет его на облаках надежды к обожаемому им существу. Вот божественная дева простирает уже перед ним свои объятия, грудь ее, пылающая огнем страсти, манит его на свое ложе. Вот золотые ее кудри нежно рассыпанные по мраморной шейке, притаившись ждут мгновения, чтобы одним движением переплестись с его кудрями, он уже впитывает в себя дыхание с розовых уст ее, которое лавой страсти протекает по всем его жилам, он порывается, кидается в объятия и, несчастный, ударившись головой о стену, просыпается с шишкой на лбу, держа в своих объятиях подушку.

Хоть мне в это время не могли еще сниться такие сны, потому что тогда мне было всего лет 11, но не менее того в одну из ночей описываемого мной времени, сон мой был самый мучительный. Незнание того, возьмут ли меня мои родители с собой в Шевырево³¹, усадьбу, в которой жила моя сестра Н.Ф. или нет. Но утром сомнения мои уничтожились, когда я увидел на дворе в числе выставленных с раннего утра экипажей коляску, в которой обыкновенно возили нас из деревни в город и из города в деревню. Кучера с заботливостью смазывали колеса и пожелтевшую кожу, выбивая палками пыль из переточенных молью подушек, пригоняли постромки для пристяжных лошадей, потому что такой дальний путь нельзя было совершить иначе как шестериком. Камердинеры и фрейлины чистили фуфайки, капоты, дорожные сапоги, шапочки, колпаки. В кузнице раздавались удары молотом, и кони храпели у своей привязи в ожидании операции над их ногами. В доме все кипело деятельностью. Наконец завтрак был накрыт, и по окончании его мы отправились в путь. Продираясь по проселочной дороге между кустарниками, ветки которых беспрестанно заглядывали в наши экипажи, мы наконец выбрались на большую дорогу и через несколько десятков минут крепкие объятия сжимали уже нас на крыльце дома. Радующие хозяев сопровождало нашу гостью с первого дня до последнего. Сироватко не преминул этим воспользоваться. Запершись в отведенной для него во флигеле комнате, затворив ставнями окна, он не выходил никуда, притворяясь то больным, то спящим, не будучи одержим ни тем ни другим. Секрет был открыт: он был пьян с утра до ночи. Как же я радовался этому. С каким удовольствием я бегал по дворам и по флигелям, по дому, пользуясь свободой. Вдруг в один вечер, когда все наше семейство сидело на балконе, издали показался верховой гонец. Тотчас узнали в нем одного из наших людей. Прошло еще несколько минут и заложенные экипажи стояли уже у крыльца. Он привез весть о родине сестры Марьи Федоровны, жившей в то время в Вологде в нашем доме.

Чье родительское сердце не забьется чувством радости при такой вести. Без всяких сборов через четверть часа мы уже катились в наших колясках по той же дороге обратно в Васильевское. Родите-

ли мои даже не выходили из коляски и, переменяя лошадей, отправились в ночь в город, поручивши Сироватке перенести все вещи в кладовые и на другой день отправиться с нами тоже в город. Нужно было видеть А. Антоновича с распухшим лицом, с похмелья, распорядившегося укладкой домашней утвари, которого никто не слушался, и он, привыкший к военным тревогам во времена своей службы при Наполеоне, не дал нам на другой день ни выспаться, ни порядком напиться чаю, ни позавтракать и, желая быть точным исполнителем данных ему поручений, он чуть свет принялся уставлять все мебели, производя такой шум, который был бы в состоянии разбудить не только живого, но и мертвого человека. В 11 часов мы уже скакали в город, да, скакали, потому что по пословице: когда кошки нет, так мыши пляшут. Господа кучера, воспользовавшись свободой, гнали лошадей без милосердия и фореитор³², должность которого исправлял в это время один из наших дворовых людей, размахивал длинным бичом, хлестал по ушам всех проезжающих мужиков и крестьянок, крича и шумя без пощады. Напрасно Сироватко командовал «смирно», высовываясь из коляски, краснея от досады и от нескольких предзакусочных рюмок водки. Его голос носился в воздухе подобно лаю собаки без всякого успеха. Наконец мы приехали в город, нам отвели дальние комнаты, в которых мы сидели как птицы в клетке, не смея ни пробегать, ни сказать громкого слова.

Родителей наших мы видели очень редко. И в это-то время Сироватко, воспользовавшись свободой, начал пить напропалую. Запершись в своей комнате, он не ходил даже обедать, требуя каждый день свою порцию: бутылка пива и 4 рюмки водки. Но так как тогда было не до пива, то он за благо рассудил поставить в угол комнаты ведро со льдом для сохранения этого уксуса, носившего название пива, которое, согрешившись, вырывало из бутылок пробки и фонтаном вытекало на пол. Одним словом, у него был настоящий кабак. Комната была заражена запахом водки, за которой он ходил сам чуть свет в лавки и напившись, что называется до зари, он спал целый день и, просыпаясь под вечер, выходил на крыльцо и поймавши несколько лакеев, которые попадались ему, он их уводил к себе и, рассадивши по стульям, с жаром рассказывал им о своих подвигах на Марсовом поле, потчует водкой и напивался сам до положения риз, засыпал на своем стуле, посреди неистовых восклицаний и пошлых рассказов.

Батюшка мой, придя к нему, обмер, увидевши картину разврата, и без долгих рассуждений велел ему убираться вон из дому. Через несколько дней Сироватко, положенный за мертво на извозничьи дрожки, отвезен был со всем его имуществом к итальянским денщикам, которые уже через полицию выжили его от себя, опасаясь его смерти.

Таков был Антон Антонович Сироватко, наставник юношества, получавший две тысячи рублей в год жалованья. Как не пожалеть после этого

о несчастных детях, родители которых, живши в губерниях и не имея случая сами достать хорошего учителя, выписывают их из столиц, в которых и всегда живший человек с трудом находит порядочного иностранца. Как же можно человеку, который приезжает на несколько дней, успеть найти хорошего воспитателя. Заключение ясное: какой-нибудь магазинщик или даже лакей из хорошего дома, написавши сам себе тьму аттестатов, выдает себя за учителя и неопытный провинциал, прельстись хорошим его выговором и свободным, иногда до нахальства, обращением, которое есть тип почти всех французов, или педантизмом какого-нибудь швабца, заседающего перед своим “васизда-сом” в колпаке, с радостью везет его в губернский город, в котором он не посещая ни обществ, в которых можно было бы видеть его обращение и остроту ума, не встречаясь с людьми, которые бы могли проникнуть в глубину его иностранной премудрости, живет себе на раздолье, ест, пьет, берет денежки и будучи мало-мальски умным человеком и подметивши слабую струну того человека у которого он живет, он сводит свои концы как нельзя лучше и слывет прекрасным, образованным человеком, иногда даже умным. Пожалейте же и обо мне. Ведь и я, находясь во власти этого бурлака Сироватки, не менее всякого другого страдал от его солдатского обращения и мужицких ухваток решительно без малейшей тени пользы.

Итак, Сироватко от нас уехал. Прошло несколько дней и Николай Иванович Ржаницын, эта пародия учителя, опять явился к нам. Но так как мы при Сироватке учились по-немецки и родители наши не желая оставить нас без практики в этом языке и заметя, что премудрость Ржаницына не простирается до такой степени, отыскивали для нас какого-то русско-латино-немца Сацердотова, вышедшего кажется из семинарии из класса риторики и углубившегося в познание медицины. Когда он к нам явился в своем длинном по сих пор нанковом сюртуке, то он вонял на несколько шагов мятым маслом и тому подобными аптекарскими гадостями. Этот был совершенный дурак, уже без всякой примеси, не говоря уже о его физиономии, ухватках и выговоре. Он не мог пяти минут поговорить от себя, разве если материя касалась колыхали его детства – семинарии, о которой он мог дать вам всегда подробный отчет, равно как об их кулачных боях, играх в бабки, о вакансиях, на которые они гурьбой отправлялись по инфантерии с сапогами на палочке, мешком на плечах, с глупостью в голове и с штофом вина за пазухой. О, тогда он был Цицерон. Воспламененный, он каждое слово сопровождал каким-нибудь бурлацким жестом в знак совершенного убеждения.

Этот-то Сацердотов ходил к нам целую зиму, научая нас языку Шиллера и Гёте. Будучи характера смиренного, но имея свойственное почти всем семинаристам тянуть зло горилку, он совершенно удовлетворял требованиям моих родителей, не пропуская ни одного урока, не ценя слишком доро-

го своего таланта, не имея затейливой привычки пить за обедом вино и перед обедом водку, он был нам по руке. И мы, учась у него, выиграли хоть то, что, по крайней мере, не забыли совершенно немецкого языка.

Так прошла вся зима. Наступила весна, которую мы провели, не помню от чего-то, сверх обыкновения в городе, уехавши в деревню Васильевское уже летом. Сацердотов, преподавая в первых классах приходского училища азбуку, не мог отправиться с нами вместе. Как я радовался, когда, приехавши в деревню, я не видел следящего за мной во время прогулок учителя! С каким восторгом я бегал по саду, по двору, скрываясь в чаще леса от моего дядьки Андрея, который, вязавши чулок, мерными шагами следовал за мной, угрожая мне жалобой папеньке, если я не перестану дурачиться.

В это-то время брат мой завел одну борзую собаку-чернигу, с которой мы каждые после обеда, не имея другого занятия, в сопровождении дядек отправлялись в ближайший лес травить зайцев, ведя поочередно за свору несчастное животное и муча его без жалости. Распределение времени и местности куда должен был быть направлен наш путь предоставлялось на благорассмотрение дядьки Кузьмы, который слыл большим профессором по многим отраслям наук. Он из географии знал названия государств, их столиц, читал из римской истории подвиги Ромула и Нумы Помпилия, по части грамматики умел отличить глагол от наречия. И иногда в лакейской дерзал рассуждать о политике, основывая богатство государства на числе его жителей. Одним словом, право, не глупее был Сацердотов. Очень часто вечером Кузьма Михайлович усевшись на домовую галерею перед садом, положивши ногу на ногу, надевши на нос медные очки, положивши подле себя чулок, читал какую-нибудь книгу. И за такого рода занятия слыл мудрецом. И будучи таковым имел своего рода слабости, свойственные всем великим людям.

В один из таких вечеров, когда мы, напившись чаю и получивши порцию фруктов, отправлялись гулять по полям, любуясь на рассыпанных по полю поселенок с серпами, и рвали уцелевшие еще во ржи васильки, мелькающие между стеблями гнетомых уже к земле спелых колосьев, свивая из них венки и делая букеты, вид приближающейся к селу кибитки, запряженной двумя клячами, возбудил наше любопытство и мы опрометью побежали домой узнавать о новоприбывшем лице. С какой досадой и горестью увидели мы выползающего из телеги в фризовой желтой шинели Алексея Васильевича Сацердотова, который, оставивши в приходском училище кафедру азбуки, явился немедленно к нам по призыву батюшки и, злодей, сшил себе новый сюртук синего сукна, подбитый выкрашенным голубой краской холстом, к которому нельзя было приложить руки не запачкавши ее в одну секунду. Занятия его в лаборатории вологодской аптеки оставили по себе следы нестер-

пимого запаха, которым пропиталось не только его белье, но даже и тело. От него так и несло анисовым маслом и гвоздикой с примесью вонючим салом от его головы. На другой день его приезда начались наши классы. Сперва все шло своим порядком – чинно, смирно, потом мало-помалу мы с ним сблизились, начали бегать по саду, спрятавшись друг от друга, вместе стали воровать из сараев яблоки, разбивая стеклышки рам и наставник и ученики его, гонимые садовником, бежали прочь с яблоками в руках. В такого рода занятиях прошло все лето. Наступила осень. Серые облака грядями потянулись по небу, производя так называемую серенькую погоду, когда нечто вроде дождя, наполняет воздух сыростью и заслепляет ваши глаза. Порывы ветра с шумом обнажали деревья, разнося по воздуху желтые листья. Настало то время, когда солнце, скользя изредка своим лучом между облаками по лазурным проталинам неба, на мгновение рассыпает свой блеск на сырую грудь земли, задышающую от проливных дождей, и опять тонет в дождевых облаках, когда луна, выглянувши тайком из-за облаков, ныряет между ними как челнок между волнами во время бури и, цепляясь за вершины обнаженных деревьев, дробится на несколько частей. С какой досадой смотрю я всегда на какой-нибудь шпиль башни, который вырывает конусом часть светлого ее сердца. Как жалко мне тебя, ночная красавица, когда стена, созданная рукою какого-нибудь поденщика, совершенно затемняет серебряный блеск твой, не оставляя даже следов твоего существования. Но зато как благородно мстишь ты врагам своим, как щедро сыплешь ты на них снопы твоего света, когда выберешься на свободу! Как привольно улыбаешься ты притаившемуся за углом любовнику. Луч твой возвращает ему всю его бодрость, и он безропотно ожидает решения своей участи, устремляя свой нетерпеливый взор на заветное окно, желая проникнуть за занавес, отдаляющий его от предмета, в котором заключается вся жизнь его! Как досадно бывает смотреть на тебя, когда ты проникнувши в мрачную комнату, действуешь заодно с врагом человечества, посеребряешь ему путь к преступлению. Как невинно покоится тогда на своем ложе жертва мщения, на груди которой уже блестит роковое железо! С каким хладнокровием смотришь ты на последний трепет умирающего, остужая холодным лучом твоим дымящийся ручей крови. Но за всеми проделками луны трудно угнаться.

Итак, в то время когда в нашем саду завывал ветер, рыская подобно голодному волку между дряхлыми деревьями, когда испуганная птица, сорвавшись со своей ветки, с криком удалялась вдаль, не находя нигде себе приюта, и цеплялась крылом за стекла окон, в которые стучали изредка дождевые капли, в то время мы с А. Васильевичем бегали по саду, спрятавшись друг от друга за деревья, на которые он сбирался с быстротою белки, благодаря практике, приобретенной им в семинарии, где он во время ночных своих прогулок с товари-

щами перелезал через заборы в чужие огороды и, взбираясь на деревья, наполнял с необыкновенной ловкостью полы своего халата яблоками и рябиной. Мы с ним забивались в самую тучищу и пугали друг друга разными восклицаниями, что и подало повод думать нашей дворне, что в саду завелся нечистый дух. Сащердотов, пользуясь таким мнением народа, вздумал в каждый темный вечер взбираться на самый верх полуразрушенной уже китайской беседки и, расположившись там, пел разные латинские и немецкие песни, сопровождаемые разными неистовыми возгласами и свистом. Люди в один голос решили, что в беседку является каждый вечер черт и решились убить его из ружья. До того глуп русский народ! И наш А.В. наверно был бы жертвой народной глупости, если не был предупрежден заранее об их намерениях.

Наступил ноябрь месяц, большие хлопья снега повалились на землю. У мужичков бороды начали покрываться белым пухом, морозы начали стучать в стены домов, врываясь незванным гостем во все проходы и скважины дверей и окон. А мы все еще жили в деревне, бегая с А. Васильевичем по двору и кидая друг в друга комками снега. Законный термин* (Николин день) нашего переезда в город уже приближался. Наконец мы собрались в путь во дороженьку. Меня посадили с моим батюшкой в возок, в котором я задышался под тяжестью меховых одеял, окутанный козьими платками и навьюченный несколькими фуфайками и панталонами, в колпаке и набитой пухом шапке. Как я завидовал моему брату, который ехал с моей маменькой в кибитке. Окна у возка замерзли, и я лежал в настоящей тюрьме. Признаться сказать, пробыть 4 или 5 часов в таком положении стоит чего-нибудь. Выдерживал ли я нос из-под платка, закрывавшего лицо мое до самых глаз, мне его сейчас поднимали еще выше, снимал ли я с моей руки перчатку, мне ее тотчас же надевали и закутывали меня по уши в одеяло. К счастью моему, я не задохся и приехал цел и невредим в Вологду.

Проживши несколько дней при старом наставнике Сащердотове, я скоро его лишился. Брат мой Михаил Кириллович³³ привез к нам из Петербурга учителя Гутвиля, человека старого и болезненного, но не менее того умного и благородного. Несмотря на его старость и болезни, которые поочередно сменялись в нем во время пребывания его у нас, он неусыпно занимался нашим воспитанием. Имея обширный запас сведений по многим отраслям наук, он занимался нами неусыпно и, если бы не скорая его смерть, которая, как вы увидите ниже, постигла его у нас в доме, он много сделал бы полезного на благородном поприще воспитания юношества. Справедливо сказал кто-то, что старость жребий человека, но не слава старика. Гутвиль страдал глазной болью, носил почти всегда зонтик и, платя дань молодости, он привязывал к верхней губе с примочкой тряпку и для поддержа-

* Так в тексте.

ния ее опутывал крестообразно свое лицо черной ленточкой, что придавало несколько смешной вид лицу его, увенчанному сединами старости. Не прощу никогда себе тех шалостей, которые я делал над ним, пользуясь его слабостью. Он не знал ни слова по-русски, всегда затруднялся в изъяснении со своим человеком и тогда, когда болезнь уже склонила его к одру постели, то он принужден был изъясняться с ним по сделанным нами русским разговорам, написанным французскими словами. И мы, увлеченные тогдашней нашей глупостью, перепутали все слова до того, что когда он, справляясь с нашими разговорами, думал, приказывая человеку перевернуть себя на другой бок, приказывал подать ему пить или что-нибудь другое и бегился, раздражая тем свою болезнь, в то время, когда его организм ослаб до того, что отправления его уже не ждали отсрочки. Кашель был для него самой мучительной вещью, и мы, смеясь над его страданиями, покупали у пряничников курительные серки и, надымивши в его комнате до того, что и здоровому человеку трудно было не задохнуться, производили перхоту в его горле и усиливали его кашель. Скажу только одно, что когда он, не будучи уже в состоянии сходить с постели, звал нас к себе за ширмы читать на французском языке историю Роллена, тогда положение наше было незавидное. Не менее того это показывало заботливость его о нас и в те минуты, когда смерть крылом своим навела уже на него запах могилы. Мнительность его относительно безопасности его жизни возрастала вместе с его слабостью. Он подозревал окружающих его людей в заговоре против его жизни, и для этого он положил даже кинжал подле себя, сам не будучи в состоянии почти уже двигаться. Вот вам образец человека, в свое время цветущего молодостью, обладающего обширным умом (в чем нельзя было никак сомневаться), имевшего жену, детей, и наконец, лишившегося всего драгоценного на этой земле, жившего надеждой на будущее и доведенного этой надеждой до края могилы вдали от своей родины, будучи окружен людьми чужими, испуская из себя жизнь, подобно дыму светильника, которого даже некому и погасить.

Как ничтожна жизнь наша на земле. Мы как маленькие дети играем всю нашу жизнь в жмурки с судьбой и сперва преследуем ее, потом гоним, стараемся обмануть ее и наконец, доходим до нашего предела, который творец предназначил каждому человеку, указывая ему путь в могилу и говоря: "Земля в землю пойдешь". И человек, этот ничтожный червь, как гордится он своим достоинством! С каким презрением смотрит он на низшего себе, стоя наверху колеса, двигаемого фортуной. Правду сказал один современный писатель: "Если бы кто-нибудь узнал все гадости и низости поступков человеческих, ты бы сказал что это сказки"³⁴.

Обряд погребения был совершен на страстной неделе и по прошествии святой недели явились полицейские чиновники описывать именье покойно-

го. Оценщик, который столько же знал толк в цене вещей, как вы, почтенный читатель, знаете китайский язык, оценил их как ни попало. Потом все эти вещи уложили в сундуки и отправили на жертву гадов в погреба казенной палаты, где они и стояли, сохраняясь до того времени, пока иностранные газеты не отыскиали сына покойного, жившего в то время в Париже. Молодой Гутвиль, я полагаю, перекрестился руками и ногами, соболевшая о смерти своего батюшки и велел продать все тряпки отца, за благо рассудив, получить лучше наследство отца звонкой монетой, чем бельем и платьем. Крест, поставленный на могиле покойного, сохранил о нем память до первой зимней выюги, которая, вырвавши его, разрушила возвышающийся над его могилой холм, разметавши его во все стороны и теперь уже никто не отыщет того куска земли, который скрыл навсегда бранные останки старика Гутвиля.

И мы опять остались сиротами. Я по большей части проводил время у сестры Надежды Федоровны, где жила и Наталья Андреевна, имея на своем попечении маленького Федю. Но через несколько дней Ржаницын опять провозглашен был кандидатом в гувернеры. Но, слава Богу, недолго он убивал наши дорогие часы молодости. Будучи уже более взрослым, я, равно как и брат, занимались с ним гимнастическими упражнениями, борьбой, валянем друг друга по полу или в саду на траве, а иногда даже дерзая пускаться в кулачный бой. И хоть мы во время его посещения не приобрели нисколько умственных сил, но зато физические наши силы возросли с успехом и если бы он в то время пробыл с нами подольше, то мы наверняка сделали бы настоящими атлетами. Но судьба покровительствовала нам. В это время как будто нарочно явился в Вологду некто Иосиф Августович Богуслав, который, служа в военной службе (как он об этом говорил), по разным неприятностям принужден был выйти в отставку. Какими судьбами он попал в Вологду этого я подробно не знаю, но знаю только то, что он в скором времени после его появления был кем-то откомендован моему батюшке и через несколько дней он уже сидел с нами в классах.

Родом он был поляк и, как все его соотечественники, был горд и надменен. Имея от природы ум проницательный, он гордился своими познаниями. Одним словом, он был надутый педаант, выступающий твердым шагом и обладаая, подобно легавой собаке верхним чутьем, он редко устаивал своим взглядом попираемую им землю. Он с рвением принялся за свое дело. Система его учения была прекрасная, но мы, привыкши к Ржаницыным и Сацеротовым, смеялись над его умом. Но, несмотря на то, в скором времени он успел привлечь нас к себе, употребляя разные для этого средства, по пословице – где хлыстом, а где свистом. Но во всем продолжении времени, пока мы жили в городе и пока он ходил к нам по урокам, мы мало слушались его советов и не могли при-

выкнуть к странной, по нашему мнению, его системе. Но со времени переселения нашего вместе с ним в Васильевское, успехи наши стали подвигаться быстрыми шагами. В классах он был с нами строг, даже иногда слишком строг, но зато в свободное время он старался занимать нас самым благородным образом. Если ходил с нами гулять в лес, рассказывал мимоходом разные анекдоты или срывая какой-нибудь цветок, он разбирал отличительные признаки, как-то венчик, околоцветие, тычинку, пестик, форму листка, плодотворную пыль и тому подобные признаки, знакомя тем самым нас с ботаникой, или старался угадывать на глазок расстояния местности, желая воспламенить в нас искру любви к нивелированию и вообще к математике. Одним словом, мне при нем некогда было шалить.

Наступили сентябрьские вечера, и вместе с ними настала ужасная скука в деревне. Соседей нет, развлечений тоже, даже самые комары, вечные пискуньи*, скрылись. Бог знает куда. Чего делать с шести часов вечера? Брат мой выдумал особенного рода забаву. Выпросивши у царя заячью лапку, он привязывал ее на веревку и бегал с ней по комнате, преследуемый нашей кошкой, доброй кошкой, которую мы звали Мещанкой. Но это продолжалось недолго. После чаю мы спешили за ширмы к нашему Иосифу Августиновичу и, усевшись поближе к нему на кровать, нечувствительно проводили время до ужина, слушая рассказы о пребывании его в Виленском университете во время вторжения в этот город Наполеона и о других событиях, знаменующих подвиги этого человека-исполина, этого баловня счастья для удовлетворения своих замыслов затопившего полвселенной потоками дымящейся крови человеческой, встретившим отпор на полях Бородинских и остуженным русскою сталью. Мы с восторгом слушали о пожаре Москвы, который вместе с дымом своим уносил славу Наполеона, за несколько времени до этого наблюдающего за переправой через Неман 700-тысячного корпуса, а тогда посреди пламени, бегущего из матери городов русских Москвы, которая как очистительная жертва предана была сожжению от руки сынов ее.

№ 6

С тайным благоговением слушали мы подвиги самоотвержения русских в ту годину, когда вопрос быть или не быть России решался оружием сынов ее перед двадцатью языками и когда слова Государя Александра Павловича: "Не положу оружия до тех пор, пока ни единого неприятеля не будет на моей земле", – врезавшись каменно-скальными буквами в сердце каждого русского, умирали в его душе не иначе как с его последним вздохом, который он посылал к престолу предвечного, моля о спасении своего Отечества. Не прошло и двух лет и русский орел, сорвавши царский венец с главы

похитителя престолов, летал с пальмой победы и мира над Парижем, прогоняя врага своего на остров Святой Елены под тень плачущих берез*, где неприступная скала сокрыла от света того, кто одним словом разрушал и создавал царей и царства. Мир воцарился, и спасенная Россия поднесла своему избавителю титул благословенного отца Отечества.

Наше детское сердце воспламенялось при подобных рассказах. Один только капельмейстер, имея душу бесчувственную к такого рода впечатлениям, только и делал, что крестился, когда Богуслав рассказывал о всех ужасах Аустерлицкого, Лейпцигского, Кульмского, Бородинского и тому подобных битв. Не знаю, для чего он крестился? Для того ли чтоб доказать, что он верит этим рассказам или из опасения того, чтобы не возобновилось то страшное время и ему не пришлось бы идти в поголовщине. Когда же он являлся из своего флигеля к нам немного подшафе, тогда глупостям не было конца. Мы у него прятали шинель, шапку, все его платки и теплые сапоги, в которых он совершал пятисаженный переход в наш дом из своей квартиры. Парик его едва держался на его гладкой голове, табак из-за губы рассыпался по манжетам рубашки и жилета. Одним словом, безабилье его иногда было слишком утрировано иставляло женский пол бежать от его встречи подальше. С особенным жаром вступал он тогда в богословские споры, и галиматья его суждений и нелепостей превосходила до того всякую тень вероятия, хоть и была всегда приправлена крестным знамением, что в состоянии было рассмешить не только живого, но и мертвого человека. Кроме такого рода занятий, мы играли еще с Богуславом в домино.

Между тем вдруг в один день мы узнали от Иосифа Августиновича не совсем-то приятную для нас весть. Он объявил нам, что через неделю будет нам в присутствии батюшки экзамен пройденным до того времени предметам. "Вот тебе раз!" – сказали мы с братом в один голос. Нам тем более казался странным этот экзамен, что ни один из прежде бывших у нас учителей не выдумывал никогда такой новости. Мы этому сперва воспротивились, но когда услышали от самого батюшки, что он будет на наш экзамен, тогда шутки в сторону, мурашки пробежали по телу, по крайней мере у меня. Я решительно не помнил не только всего пройденного нами при Богуславе, но даже с трудом припоминал третьего денный урок. Но делать было нечего. Мы начали вставать пораньше, гулять поменьше и через неделю времени как нельзя лучше повторили все, что от нас требовали. Наступил день экзамена. С каким внутренним трепетом ждали мы рокового часа, в который обещался быть к нам батюшка. Наконец он пришел. Сперва мы немного сконфузились, но потом, ободренные похвалами, приосанились и давали ответы самые

* Слова "вечные пискуньи" дописаны над строкой.

* Слова "под тень плачущих берез" дописаны над строкой.

удовлетворительные на все вопросы, так что Богуслав краснел как печеный рак от восхищения, чуть не прыгая на месте. И за такого рода полезную для нас выдумку он получил, кажется, два полотна, а мы награждены были каждый пятью четвертаками и были счастливы. Обещанный нам через несколько времени еще подобный экзамен заставил нас заниматься поприлежнее. И мы или из собственного каждому человеку честолюбия или из боязни, не знаю право отчего, только выдержали второй наш экзамен как нельзя лучше. Вообще говоря, успехи наши в то время чувствительно увеличились.

Наступило, наконец, то грозное время, когда смерть, разливая лаву своего разрушения в южной России, достигла и Вологды³⁵. С каким ужасом узнали мы, что город уже оцеплен. Не смея прикасаться ни к письмам, ни к ведомостям, получаемым из города, мы беспрестанно умывали руки хлоровым настоем и, когда письмо уже переходило через несколько огней, тогда только дерзали прикасаться к нему и получали одни только вести об умерших и умирающих. С каким страхом смотрели мы на встречу неожиданной гостьи – холеры! Все углы в комнатах нашего дома заставлены были площадками с дегтем и напрысканы чесноковой настойкой. Руки наши беспрестанно купались в уксусе 4-х разбойников. Смерд был ужасный во всем доме от этих гадостей, причиняя невольно головокружение. В сенях поставлены были жаровни, на которых день и ночь трещал можжевельник в предостережение того, чтобы люди, приходящие со двора, не принесли в своих карманах холеры в дом. И в то время, когда уныние и страх царствовали во всех лицах, когда крестные ходы только что успевали переходить из одного селения в другое, когда молебствия с коленопреклонениями раздавались со всех концов, я и брат мой и в ус не дули ничему. Имея перед глазами Богуслава, который не унывал, что называется на волос, мы не могли осуществить в своем воображении губительного бича этой заразы, которая равно угрожала как другим, так и нам. Мы были очень счастливы тем, что у нас убавили число классных часов из опасения того, чтоб умственные занятия не ослабили душевных сил и не ввергли бы нас в пучину заразы. Богуслав, видя, что его убеждения против этого будут словами проповедующего в пустыне, рассудил лучше совсем уволить нас от классов, частью для того, чтобы угодить моим родителям, а более для того, чтобы избавиться вонючей атмосферы классной комнаты, которая вся была пропитана чесноком и дегтем, от чего у него однажды не на шутку заболела голова. Да и трудно было не заболеть, потому что мы без пощады подливали украдкой под его кресло чесноковую настойку и подпихивали плошки с дегтем. Брат мой, воспользуясь свободой и данным ему поручением смотреть за исправным действием жаровен в сенях, до того однажды постарался надымить, что не в состоянии будучи вынести этой адской копоты, почувствовал

боль в голове. При первой об этом вести весь дом встал вверх дном. Батюшка мой перепугался до того, что, прибежавши с десятками склянок к нам в нижний этаж, дал брату порцию уксуса 4-х разбойников вместо капель, сочиненных доктором Глазовым и носящих его название. И от такой порции он действительно почувствовал неловкость в желудке. Тогда все няньки, девки и лакеи хором решили, что у Дмитрия Федоровича холера. А Дмитрий Федорович, прославши несколько часов, сделался опять так здоров, что дай Бог чтоб каждый из вас, почтенный читатель, чувствовал себя так хорошо. Но ему и верить не хотели. Его совершенно уже здорового отвели в отдельную комнату и начали бальзамировать без всякой пощады дегтем, чесноком, хлором, уксусом и разными другими эликсирами. Тогда Богуслав стал не на шутку сомневаться, чтоб он в самом деле не отправился к предкам в небесную экспедицию. Капельмейстер же, узнавши мимоходом о пользе вина настоящего перцем и не разобравши того, нужно ли его пить или им обтираться, при сей верной оказии накопил вина и спустивши в штоф несколько кусочков перцу, начал пить ни от кого уже не скрываясь и когда от него отнимала жена эту, по его мнению, целебную эссенцию, то он грозил жалобой на нее правительству и готов был сжечь ее на огне как еретичку, отнимающую от человечества способы, предохраняющие его от смерти.

Наступила наконец бесснежная зима. Но мороз не думал прогонять холеры, которая все более и более свирепствовала в городе и его окрестностях. Вдруг накануне самого Николина дня явился к нам гонец от сестры Надежды Федоровны с известием о рождении молодого Дофина Кудрявого. Думать было нечего. Мы на другой же день собрались в Шевырево, и я, по обыкновению запеленанный в несколько фуфаек и шуб, положен был подле моего батюшки и тройка чубаро-булано-пегих лошадей, запряженных цугом, потащила нас по обнаженным полям.

Самая природа как будто сиротствовала в ту зиму. Взошедшая озимь вымерзла, не имея на себе никакого покрова. Кочковатая дорога вилась между этой мертвой зеленью, кое-где запорошенная снегом. Обнаженные деревья тянулись в ряд по дороге подобно приговоренным к смерти преступникам, издавая гул ропота от пробегающего по ним ветерка. Только одни сороки весело скакали по дороге, и крики их, вторя шуму из соседнего кабака, наполняли душу мрачными мыслями. Серые облака, затянувши свод неба и нависнувши над землею, мрачно смотрели на окоченевший скелет ее. Мы шагом тянулись по большой дороге, и лошади, скользя по голой земле, наконец дотащили нас кое-как. Совершивши обряд крещения над младенцем, мы уже собрались ехать домой, как вдруг весть о прекращении в Вологде холеры электрической струей радости пробежала по сердцам всех. Известие это тем более восхищало моих родителей, что сестра моя Марья Федоровна, жив-

ши во время ужасов заразы в Вологде, по снятии оцепления и карантинных вокруг города, могла свободно соединиться с нами. И вот она приехала, не сохранив и тени того здоровья и красоты, которыми она прежде обладала. Холера не пощадила и ее, матери нескольких младенцев. Губительный яд ее вливался в человека без разбора звания и лет его. Цвет молодости погибал, в то время как седина дряхлого старика оставалась неприкосновенною. Семейства лишались своей подпory – отцов и матерей, а бесприютный сирота, не имеющий ничего, что бы он мог потерять, кроме жизни, сохранял ее безвредною. Таковы неисповедимые судьбы Творца людей, которые навеки сокрыты от человека в лоне вечности! Таково божественное правосудие отца Всевышнего!

Не надолго порадовала нас весть о прекращении холеры, которая, как будто обременившись похищенными ею жертвами, притаилась, чтоб отдохнувши, с большей силой восстать на человечество. Прошло несколько дней и город снова был оцеплен, суд божий снова разразился над человеками. Хлориновая эссенция снова задымилась, зловония чеснока и дегтя снова наполнили наш дом, классы снова прекратились, Егор Васильевич снова запил и Богуслав, успевши съездить в Вологду, привез себе огромный запас табаку и, куря из своей коротенькой трубки, снова принялся рассказывать нам по вечерам разные анекдоты.

Наступил пост, предшествующий Рождеству Христову, и мы стали говеть. Заложенные в кошовни³⁶ лошади возили нас целую неделю к обеду, священник с причтом являлся каждый вечер служить заутреню, и мы, приобщившись святых тайн, встретили в кругу нашего семейства праздник. Летящая над головами смерть не усыпила в памяти русского народа закоренелых обычаев и поверий. Кудеси по обыкновению стали являться к нам, гадания над воском и подблюдные песни³⁷ огласили нашу девичью, и мы, дрожа от холода, в теплых сапогах и шубах бегали по холодным комнатам за наряженными и гадали всевозможным образом. Нечувствительно подкатил и Новый год, и мы, опасаясь за каждый день нашей жизни, желали друг другу провести его в наслаждении и радости.

Наконец уверившись в прекращении холеры, следы которой совсем уже изгладились из памяти жителей, мы переехали в Вологду, бывшую за несколько времени театром таинственной войны судьбы с человеком. Богуслав через несколько времени от нас уехал, променявши свой благородный пост на место заседателя в каком-то уездном городе Вологодской губернии. Пословица правду говорит, что рыба ищет где глубже, а человек ищет где лучше. В продолжение того короткого времени, что мы пробыли в городе, Ржаницын был призван для повторения катехизиса и священной истории, и для гимнастических упражнений. Мы, по обыкновению, щипали его за нос, таскали за волосы и катались верхом на его плечах. Он в полном смысле слова потом добывал свой хлеб.

Возобновившаяся холера погнала нас снова вон из города, и отъезд наш был ускорен по случаю ворвавшейся в наш двор заразы. Наш башмачник почувствовал все признаки разливающейся в нем язвы. Как резко вкоренились в моей памяти все подробности того времени. Частный пристав Пчелин, как будто исправляя должность адъютанта при моем батюшке, являлся пунктуально к нам каждые утро и вечер для отобрания сведений о здравии нашем и нашей дворни. В первый раз в жизни (и дай Бог, чтоб это было в последний) я видел консилиум. Картина неподражаемая! По крайней мере десятков докторов, плешивых, в париках, седых, рыжих, в очках, без очков, молодых и старых, собранные со всего города прохаживались по зале, рассуждали вполголоса, дополняя свои мнения пантомимами, миганьем, разными глупыми жестами, коверкали несчастный латинский язык безжалостным образом. И ни один из них, не понимая ни рода свирепствующей заразы, ни способа ее лечения, кончили свое заседание прописавши несчастному башмачнику на латинском языке пропускной билет для отправления в Елисейские поля.

А мы за несколько дней до масленицы отправились в село Куркино. Как я радовался, что наконец буду жить в этой деревне еще первый раз без учителя, хотя уже и носились слухи, что по всей Москве отыскивается для нас гроза-учитель. Ужас овладел нами, когда мы по приезде в деревню узнали, что одна из женщин во время дороги почувствовала все признаки холеры и возвратилась в город и тем более усилился, когда в самом селе заболел один из людей. Уныние и страх снова разлились в сердце каждого. Пользуясь временем Великого поста, все люди говели, не надеясь встретить светлого праздника, считая гибель свою неминуемою. Люди, прорывавшиеся сквозь городовую цепь, распространили болезнь в окрестностях нашего села. К тому еще присоединилась мнительность народная, обвиняющая недавно еще покоренных поляков в отравлении людей. Подозрения распространялись и на русских, будто участвующих в этих нечеловеческих замыслах. Запоздалый путник немедленно бывал схвачен, осматриваем с ног до головы, допрашиваем. Остервенение простиралось до того, что в соседнем нашей усадьбе селе Кубенском одна женщина чуть не была сожжена, будучи поймана с какими-то лекарствами, купленными ею для своих больных детей. Посланный в это село от правительства доктор для прекращения усиливающейся заразы был принят за отравителя, когда народ увидел у него собрание разных порошков, трав и жидкостей и заставлял его пробовать всего понемногу. Невозможность исполнения их требования остервенила еще более их мнительность, и несчастный доктор одним бегством мог спастись от угрожающей ему гибели, и полумертвый от страха прибрел к нам, кажется, пешком с ужасной вестью о народном неистовстве.

В таком положении жили мы в нашей деревне, слыша со всех сторон вопли несчастных семейств, подвергнутых заразе. Но если бы тогда можно было устранить от нас эти зловещие мысли, то мы могли бы назвать нашу тогдашнюю жизнь довольно приятною и даже веселою. Все наше семейство было тогда вместе. Обе сестры с их мужьями жили у нас, и мы проводили время довольно весело. Я, желая выказать себя за человека, занимающегося делом, брал у моего батюшки читать книги из библиотеки³⁸, как-то романы Жанлис, читая которые, я до того пугался описываемыми ею подземельями, разбойниками и тому подобными ужасами, что расстроенное мое воображение проливалось невольный трепет по моим жилам. Днем же мы пускались путешествовать по саду, занесенному снегом, и прерывались* беспрестанно на источенном уже весенними лучами насте. Таким образом мы ходили или в оранжевой, любясь зеленью цветов и глаза наши с жадностью вперялись в ветви виноградных и персиковых деревьев, цветущих летней зеленью посреди царствующей еще зимы, или в музыкальный флигель, в котором слушали или певчих, завывающих разные концерты и Те-Деумы³⁹, или дуэты мальчишек, которые разыгрывали их с плачем, побуждаемые потасовками и стрелками в нос капельмейстера, который с важностью расхаживал по зале, удаляясь иногда подкрепить силы и воспламенить свое воображение некоторыми известными ему средствами. С каким нетерпением ждали мы его появления в наш дом вечером, выпившего порядочную порцию перечной настойки и заправившего за свою губу порядочную порцию табаку, чтоб делать разные глупости с ним, которые простирались даже до того, что он бегал за нами и готов был драться. Мы выбегали во двор и, схвативши огромный ком снега, пускали его в него, и он, как мельник, напудренный снегом, только успевал стряхиваться. Такого рода проделки продолжались иногда целый вечер до самого ужина, при известии о котором Е. Васильевич отправлялся с фонарем в руке домой, а мы надевали ватанные шинели, теплые сапоги и колпаки с шапками, чтоб перейти через сени, отправлялись вверх к ужинному столу, сидя за которым мы, по обыкновению, молчали, сложивши руки, или переговариваясь друг с другом вполголоса, каковой обычай не искоренился у нас в доме даже и до сих пор. Трапеза в нашем доме совершенно уподоблялась тайной вечерне, лишь только раздавался стук тарелок и ножей и иногда раздавался голос, унимающий наш смех и шалости. Но зато после ужина разговорам не было конца. У моего батюшки была страсть говорить после стола, не выходя, впрочем, из-за него и мы, по крайней мере полчаса после окончания ужина, сидели за столом, скрипя стульями и делая разные жесты нетерпения. Еще мне довольно странно казалось всегда то, что нас заставляли

есть каждое блюдо, хотим ли мы его или нет, и тот, кто съедал больше, удостоивался одобрения, впрочем, из нас никто не был откормлен как каплун, и мы оставались по-прежнему худощавыми, любя сладкое и ненавидя горькое. Впрочем, когда сестра Надежда Ф., имея обыкновение закусывать что-нибудь между вечерним чаем и ужином, ожидала, сидя в своей комнате, сладких пирожков, тогда я являлся самым исправным ординарцем и поддевался к ней всевозможными способами, получая за это лишний кусочек пирога.

Где нельзя большой дорогой,
Так проселочной ступай.

Ведь просители трутся же по целым часам в лакейских вельмож, у которых они ищут покровительства, лстя даже последнему полотеру. Так точно и я лстил в надежде получить побольше варенья и других сластей. Это была своего рода политика, но политика самая невинная, не делающая никому вреда, которой не грех никому придерживаться, потому что если бы каждый человек говорил правду другому в глаза, то я вас уверяю, что тогда на свете нашлось бы немного бы Павлов и Виргиний. Уж и без того люди царапаются как кошки, а тогда они давили бы себя подобно хищным зверям, терзающим себя за каждую безделицу. Политика, поддерживающая равновесие государств, равным образом поддерживает и равновесие обществ, но это равновесие обществ так не постоянно и люди до такой степени питаны желчью честолюбия и самолюбия, до такой степени искусство прикрывают себя притворной личиной, сообразуясь с обстоятельствами времени и случая, что вряд ли найдется один человек, который бы в состоянии был проникнуть за завесу лжи и обмана, за которой кроются деяния человеческие. Политика, другими словами, есть искусство жить на этом свете так, чтоб и волки были сыты и овцы были целы. Волки-то бывают сыты, но что касается до овец, то хоть они и остаются живы, но по большей части с изорванной шкурой. Это совершенно оправдывает пословицу, что сила солому ломит, и эта вечная борьба человечества не может кончиться раньше, как с кончиной мира, так точно как и с закатом ее кончится борьба творчества и науки. Человек хоть всегда останется по-прежнему человеком, но сила воли его всегда будет изменяться до бесконечности. Наука всегда будет наукой, но творчество никогда не будет иметь предела в его действиях. Человек, не старающийся приводить свой ум и способности в действие для своего усовершенствования, совершенно будет подобен не пущенной в ход машине, которая будет стоять в бездействии до тех пор, пока опытная рука механика не направит ее к предназначенной цели. Человек есть совершенный образец машины. Его главный двигатель — ум, прочие его способности — колеса, которые действуют в нем и принимают направление сообразное тем, которое дает двигатель — разум.

* Так в тексте.

Но уж если раз направленные мысли человека к одному предмету укоренятся в нем, сроднятся с ним, тогда никакая сила не в состоянии удержать их полета, [а если] останутся, не иначе как натолкнувшись на такую силу, которая раздробит его совсем. Так карточный игрок не перестанет до тех пор играть, пока не разорится вконец. Так тиран не смирится до тех пор, пока сам не падет от ударов своей власти. Так ненасытный человек не перестанет искать богатства до тех пор, пока могила не отнимет у него вдруг всего. Так безбожник не признает своего Бога, пока гром молния небесного не разразится над его головой. Так гений человека будет таиться в нем до тех пор, пока случай не высвободит его из мрака и разум не осветит его лучом своим.

Сколько времени проходит, чтоб добыть из земли кусочек золота, но он вознаграждает труды своею драгоценностью. Проходят века, и человечество при всех своих усилиях не творит ничего особенного. Является гений человек и подобно золоту искупает своим гением ущерб прошедшего времени. Таковы были Петр Великий, Магомет, Лютер, Александр Македонский, Наполеон, Фридрих Великий в отношении к человечеству, Вольтер, лорд Байрон, Шиллер, Гёте, Державин в отношении к науке.

Сладкие пирожки довели меня до горьких истин. Но ведь известно, что от смешного до великого один только шаг. Мешай дело с бездельем, с ума не сойдешь – говорит пословица. Если бы я стал говорить один только вздор, то прослыл бы пошлым дураком, если бы стал без пощады философствовать, то заслужил бы то же самое название. Держась середки на половине, я надеюсь, устраняю от себя этот не очень льстящий эпитет и предоставляю судить обо мне каждому как ему угодно. Может быть, некоторые, по привычке, назовут меня ребенком и осудят за критический разбор о человечестве. Но ведь на все своя привычка, и эта привычка, укоренившись в человеке, с трудом из него искореняется. Хлебное зерно, как бы оно ни было очищено, всегда производит плевелы, которые мешают произрастать полезному, так точно и в человеке есть дурные мысли, которые берут верх над истиной и если у него воля слаба, то не много нужно силы, чтоб уничтожить ее почти совсем и сделать из человека куклу и заставить плясать ее по своей дудке. А делать из человека статую, значит смеяться над Богом, унижая до такой степени его творение. Но до Бога далеко, а своя рубашка к телу ближе, потеплее оденешься не так скоро озябнешь. С этой целью нас закутывали всегда в теплые шинели для перехода через сени дома, как уже об этом было сказано.

Приближалась весна, приближалось и время приезда к нам учителя. И мы в каждом тающем куске снега видели поспешность Марка Петровича Ронцевича доехать зимним путем. В день Благовещения, когда по народным сказкам птица гнезда не вьет, после водосвятного молебна, бывшего у

нас в доме после обедни (тогда всякий был рад придраться к удобному случаю и отслужить с коленопреклонением молебен, страхась возобновления холеры), тройка пегих лошадей подтащила в перепачканной грязью кибитке давно ожидаемого (разумеется не нами, а нашими родителями) учителя. При этой роковой вести, которая с быстротой молнии пробежала в одно мгновение по всему нашему дому, у нас замерло сердце. Трудно было и не замереть ему, имевши Сироватку, который дрался с нами как с бурлаками и подобных ему сподвижников. Мне трудно было представить, чтоб и из вновь прибывшего седого учителя в очах вышло бы что-нибудь лучшее для нас. Но как я жестоко ошибался! Это мы увидим после. Вот повели нас, потому что сами мы никак не шли, в кабинет на смотр страшного гостя. Он с нами поздоровался, поцеловал нас. Я это от того говорю, что предшественники его знакомились с нами совершенно другим образом. И мы увидели, что он вовсе не так страшен, как казался нашему испуганному воображению.

№ 7

Так сильно действует воображение на человека. Он страшится сам не зная чего. Этот страх нельзя приписать слабости души. Мы видим людей с обширным умом и с твердой волей, которые не в состоянии были пересилить своего воображения. Так Петр I не мог приучить себя смотреть без страха на таракана, на этого ничтожного насекомого, попираемого ногами человеческими, между тем как при Пруте и на Ладожском озере он показал себя героем посреди окружающей его гибели. Таракан был посажен в банку, и он не мог преодолеть себя, чтоб взять ее в руки, между тем как слагая с головы своей корону, брал пилу и топор плотника, жаждал узнать корабельное искусство. То и другое зависело от его воли, но таракан победил того, кто не был побежден Карлом XII. Если бы на полях Полтавы он увидел таракана, то нельзя ручаться, чтоб он не ускакал оставивши войско свое, которого он был душою, на жертву неприятеля. И Россия, может быть, не обрела бы своего скипетра на семи морях в такое короткое время! Вот вам человек. Изучайте же его после этого, составьте выкройку, по которой бы вы могли без ошибочно иметь понятие о человеке.

Так точно и я не мог составить никакого понятия о приехавшем учителе. Сперва он по обыкновению был слишком добр с нами, потом взыскания его начали постепенно увеличиваться, но к чести его нужно сказать, что он во все продолжение 3-летней у нас жизни обращался с нами самым благородным образом. Время до Пасхи прошло без особенных приключений. Но в один из дней праздника он принужден был с нами поссориться. Я, в то время как родители наши легли спать после обеда, вздумал отправиться с братом звонить на колокольню. Это необыкновенное явление, что господа сами звонят, взбунтовало любопытство всех

людей, а более мальчишек во дворе. Они со всех сторон, как на пожар, кинулись к колокольне, не разбирая ни заборов, ни рвов. Тревога сделалась всеобщая. И Марк Петрович, подстрекаемый любопытством, вышел на крыльцо узнать причину такого возмущения. Но каково же было его удивление, когда он увидел сюртуки наши, развевающиеся на колокольне, и нас, звонящих напропалую во все колокола. Это происшествие было причиной первой его ссоры с нами и после этого случая он перестал уже с нами церемониться.

Наступило лето, деревья нашего сада покрылись зеленью, поверхность пруда и рек приняла свой прекрасный, зеркальный вид, семейства цветов запестрели в клумбах и рабатках⁴⁰, и воздух наполнился ароматическим запахом сиреней. Тень акаций защищала от зноя палящего солнца и манила под свою тень. Плоды созрели и воробышки начали уже виться над сетками фруктовых деревьев, прорывая ее и похищая вишни и виноград. И в те прекрасные утра, когда еще солнце спорит с прохладой, скользя лучом своим по каплям росы*, мы по обыкновению гуляли с Марком Петровичем. Природа тогда нас не восхищала, мы без наслаждения впивали душистый запах цветов, не прельщались щебетаньем птичек. Нам скучны были эти прогулки, тем более что Ронцевич заставлял нас по известным дням говорить с ним не иначе как по-французски. Мы без восторга смотрели на небо, этот лазурный полог земли, в вершине схваченный бриллиантовым узлом, по которому, подобно складкам на флеровой вуали, тянулись полоски облаков. В эти-то утра мы до классов пили всегда чай в одной из беседок нашего сада. Этим нововведением мы обязаны были М[арку] П[етровичу], которое, впрочем, казалось нам довольно странным, и мы называли это пустой прихотью. Как тогда чувства наши были еще грубы к красотам природы.

Но вот приближается опять то время гулянья в нашей деревне, которое, подобно бурному потоку, разрушает тишину, царствующую в нашей жизни. Приходит Троицын день. Дом наш наполняется березками, начиная с крыльца до последнего угла везде натянуты зеленые прутьики, и вместе с ними являются в комнатах разные насекомые. Букеты из цветов, приготовленные с заранья стоят в стаканах с водой на окнах. Удар в колокол возвещает начало обедни. Мы спешим в церковь с букетами и, набравши там целый пучок разной зелени, подкладываем их под наши колени, чтоб помягче было стоять в продолжение трехкратного молебствия с коленопреклонением и, зазеленивши наше летнее платье, с досадой надеваем старые курточки, отдавши замывать зеленые пятна на коленах. Поставленные же во все углы березы остаются до тех пор на своих местах, пока мы не оборвем всех веток и не наделаем из них хлыстиков для верхов-

вой езды по саду на палочке верхом. Наступают и последние два дня заговенья перед Петровым постом. Село кипит народом, ворота в сад растворены, и мальчишки толпами валят в заповедное место, не страшась уже розги садовника, выгоняющей их из него во всякое другое время. Стражи стоят у каждой клумбы, у каждого цветника и громким голосом объявляют господское приказание — не рвать цветов, не топтать бордюров, по траве не ходить и т.д. Целые семейства поселян, начиная от деда до внука, собравшись на гулянье с самого утра и не намереваясь возвращаться домой раньше двух дней, располагаются группами в рощах на траву и едят принесенную с собой пищу. Полштофика винца обходит круговую, не исключая и женщин, которые, подкрепивши свои силы, иногда уже чересчур, затягивают самым варварским дишкантом преглупые песни и, вставши из-за своего обеда, вереницей тянутся по дорожкам английского сада и голос их то исчезает, то снова раздается со всем его отвратительным писком. На китайской беседке раздается гром оркестра музыкантов, и толпа валит слушать неслыханные ими звуки. Беседка трещит под бременем слушающих и наконец ступеньки ее проваливаются, увлекая за собой мужиков и женщин без разбора. Музыканты во избежание совершенного разрушения уже не новой беседки сходят на землю и волшебные звуки флейты и кларнета раздаются из-за липовой рощи.

Посреди этого веселья, которое уже начинало утихать, мы часу в 9-м вечера шли с Марком Петровичем по одной из крайних дорожек параллельной валу, огибающему сад, и увидели в нем распростертого в грязи русского мужичка в праздничном его кафтане. Посмеявшись и вместе с тем пожалев его, мы отправились домой, но, вставши на другой день утром, мы с удивлением увидели этого же мужика в комнате нашего учителя, с заспанной физиономией, еще полупьяного, которого он поил чаем, не щадя ни сахара, ни булок. Несчастный предпочел бы, я думаю, рюмку вина всем сахарным булкам и сладкому чаю, которым Марк Петрович немилосердно наполнял его утробу. Это знакомство имело для нас своего рода выгоду. Во время утренних часов наших классов, когда солнце рассыпая свои лучи почти перпендикулярно на землю, производит нестерпимый зной, мы под предлогом того, что будто в это время все умственные понятия испаряются из головы человека, отправлялись гулять в сад, который, однако, не мог своими молоденькими ветками укрыть нас от солнца, и мы, перейдя плотину, соединяющую наш сад с еловой рощей, насажденной природой, углублялись под тень полувековых сосен и елей, нечувствительно доходили до деревни, в которой находился помянутый крестьянин. Марк Петрович находил большое утешение беседовать на крыльце избы с его семейством, состоящим из хорошенькой дочки, жены и матери помянутого крестьянина. И когда роковая стрелка часов доползала до второго часа, мы спешили домой, чтобы поспеть к обеду, кото-

* Слова "скользя лучом своим по каплям росы" дописаны карандашом над строкой.

рый подобно бою часов всегда начинался в одно время.

Эти посещения повторялись не один раз в продолжение лета. Сверх того, Марк Петрович очень часто, усевшись после обеда на беговые дрожки, отправлялся в соседнее нашей усадьбе село Кубенское в гости к одному из тамошних богатых крестьян, который, торгуя разными мелочными запасами и разъезжая по разным городам, в бытность свою в Москве познакомился с ним и даже привез его к нам.

Кубенское⁴¹ есть настоящая модель города. Все жители его почти купцы. Озеро, которое стелется внизу села, изобилует разного рода рыбой, которой они ведут большой торг. Как прекрасен бывает вид этого озера, когда солнце, купаясь на черте, соединяющей горизонт с его зеркальной поверхностью, скользит по ней лучом своим, дробящимся алмазными искрами во влажных слоях рассекаемых десятками лодок, с которых рыбаки спешат закидывать свои сети, заметя ход рыбы! Как глухо раздается тогда выстрел охотника, подплывающего на челноке к стаду лебедей или уток, которые, с криком поднявшись на воздух, улетают под защитой порохового дыма, носящегося облаками над водой и образуя на ней бесчисленные круги, которые исчезают с последним лучом дневного светила. Все тогда принимает спокойный вид, лишь только чайка дремлет у берега под тростником и куличок с криком улетает по песчаной отлогости берега, исчезая в мраке ночи, и всплески рыб нарушают сон вечера, покоящегося под звездным покрывалом.

В это-то время возвращался Марк Петрович домой с навьюченными холстом дрожками, который он закупал для своего семейства, жившего в Москве. Целый утренний класс следующего дня проходил в критическом разборе холста нашими дворовыми женщинами, которых он сзывал поголовно на совещание. Послеобеденный же класс или заключался чтением какой-нибудь французской книги или [шли] на Поповку – селение, в котором жили причетники нашей церкви и, познакомившись с ними покороче, мы однажды отправились к священнику в день его именин. Виновник праздника был уже порядочно выпивши и потчевал нас разного рода пивами, водкой, чаем и разного рода пирогами и, получивши от нашего учителя синенькую ассигнацию, остался очень доволен нашим посещением. В такого рода прогулках прошло все лето. Марк Петрович, вставши подле клироса, пел всегда за обедней, подтягивая без всякого лада дьячку, гулял с нами по лесу, посещал соседей и не старался обременять нас ученьем, пил одну рюмку вина за обедом, не имел привычки ужинать, и мы его боготворили.

Наконец мы переехали в город. В эту же зиму появился в Вологде какой-то танцмейстер, и так как такие явления повторяются не раньше как лет через десять, мы не упустили этого случая и принались учиться у него танцевать. Но что это был

за танцмейстер? Боже мой! Представьте себе человека аршина полтора в диаметре, в шерстяных чулках, в выростковых башмаках, которые сваливались с его ног при каждом антраше или пируэте, в засаленном фраке с полинявшими металлическими пуговицами, в фризовой холодной шинельке зимой и вы будете иметь все еще очень малое понятие о его карикатуре. Нужно еще прибавить к всему этому, что от него несло всегда на сажень сивухой, которой он был страшный обожатель. И эта туша вертелась, потела, топала, кричала посреди десятка маленьких барышень и мальчиков. К концу каждого класса у него не было ни одной пуговицы на спине, потому что мы обрывали во время вальсирования с ним. Одним словом, наш танцкласс был настоящий хаос. В огромной зале, освещенной двумя сальными свечами, расположенными по углам печки, все мы под такт рулад Петра Андреевича, будучи выстроены в линию, выделяли разные “па”.

Он суетился перед нами как бес и после одного-двух часов нашего учения, а его мучения, ему вручали рубль серебром, и он, раскланявшись на разные позиции и сделавши *pas de chasse**, отправлялся очень довольный своей практикой домой пришивать пуговицы к фраку и завертывал мимоходом в питейный дом выпить штофик настойки в предохранение от простуды.

Танцевальные классы продолжались всю зиму. Мы уже выделяли прекрасно *pas de chasse*** *qlisade****, умели довольно ловко встать в третью позицию перед началом второй фигуры контраданса и делали довольно удачно *парирует* во время *solo*. Чего же больше? Танцмейстеру отказали, и он, пропивши все свое достояние, отправился из Вологды лешком в своей фризовой шинельке искать приключений по белу свету.

С этого времени нас стали вывозить на балы, на домашние вечера. Сверх того сзывали отчаянных танцоров к нам в дом и под лад одной скрипки мы практиковались целые вечера, танцуя до упаду. Мы умели болтать немного по-французски, и с этого времени воспитание наше не сделало очень быстрых успехов. Практика дополнила то, что не успела сделать теория, и наша жизнь с этого времени приняла более обширный круг действий. Мы ездили по балам, учитель ездил к немцам учителям и аптекарям. Утром у нас болела голова от того, что мы до 2 часов бывали на балах, а у учителя болела от того, что он всю ночь провел за пятикопечным немецким бостоном. Это обыкновенно случалось в понедельник.

Корреспонденция нашего ментора с женой его и детьми занимала у него целое утро, а мы, поль-

* Танцевальный шаг, когда кавалер и его дама проходят попеременно друг перед другом (*фр.*).

** То же.

*** Танцевальный шаг, состоящий в том, чтобы перед собой, слегка касаясь пола, проводить стопой ноги налево и направо (*фр.*).

зуюсь его отсутствием, из классов убежали в другие комнаты, подвигали вперед часы и ели копченые селедки и разные сласти, которыми были наполнены ящики нашего классного стола, и переводили в продолжение целого утра несколько строк с французского языка на немецкий или с немецкого на французский и, выучивши по две или по три страницы всеобщей истории, которую мы писали по диктовке каждые после обеда, уместая на каждой странице не более как по шести строк. И когда учитель приходил в класс, мы репетировали ему урок оба в одно и то же время, перебивая друг друга и крича подобно жидам в синагоге, имея под носом тетрадку. В продолжение же неклассных часов мы были свободны от всякого рода занятий и могли делать все, что хотели. Так, я выбегал на крыльцо и, поймавши первые стоящие у крыльца без кучера сани, садился на них и скакал по двору или по улице, или нахлестывал лошадей, запряженных в возок и пускал их за ворота, восхищаясь вперед неминуемой от этого суматохой. Несмотря на прилагаемые родителями в моей молодости попечения, как уже было сказано выше, я не простуживался бегая по снегу в одном сюртуке с голой головой и без галстука на шее. Молодость взяла свое. Такого рода проделки продолжались всю зиму и весну.

В это лето маменьке моей пришла мысль разбить сад на большом луге, который тянулся вдоль целой почти улицы. Сказано – сделано. Она пришла, увидела болотистое место, заросшее репейником и в некоторых местах вскопанное грядами, на которых росла капуста. И без всякого плана, без всякого садовника создала в своем воображении план целого сада в одно мгновение. В то же время колышки обозначили места, назначенные для аллей, для винтообразных дорожек, для клумб, цветников и беседок и уходя она сказала, что через три года на этом болоте будет тень, в которой смело можно будет сидеть в июльский полдень, цветы подобно персидским коврам будут устилать землю, беседки откроют свои двери и вы будете отдыхать на роскошных турецких диванах, слушая песнь пеночки и вдыхая в себя аромат цветов. Прошло два года и предсказание сбылось в полном смысле слова. Сад воскрес со всеми его прелестями. Огромные кусты сиреней красовались в разных местах группами, маргаритки сплели венки вокруг клумбы и подобно цепи окружили кусты пионов и лилий и посреди их возвышался подсолнечник с гордо поднятым вверх золотым лицом, следующим за движением солнца. Как мило пестрел цветник гирляндами флоксов и нарциссов! Как роскошно белая роза возвышала чело свое и как царица цветов разливала на них свое благоуханье! С каким подобострастием расстилались перед нею ветви настурций и куст бузины стоял подле нее как телохранитель, ограждая ее от сильного ветра. Уже рой пчел жужжал в густых аллеях акаций и в колоннах лисьего хвоста, и незабудки цеплялись по отлогостям островка, возвы-

шающегося посреди пруда. В шесть часов музыка гремела на возвышающемся вдаль холмике и толпы гуляющих наполняли сад, удивляясь быстроте его создания. Каждый листок дерева, каждый клочок земли будет напоминать нам виновницу этого творения. “Делателю подобает вкусить плода своего [труда]” – говорит Священное писание. Пусть же он вкусит покой и отраду под сенью дерев, окруженный своим семейством, наслаждаясь всеми земными благами, дарованными человеку в утешение его старости.

В это лето сестра Н[адежда] Ф[едоровна] жила в новгородской деревне, которая находилась в виду города Череповца, в котором А.И. служил предводителем дворянства. Давно предполагаемая поездка моих родителей к ней приведена была наконец в исполнение. Я с братом и учителем уселся в четвероместную карету, и мы потянулись на своих. Боже мой, что за скука сидеть в карете, задыхаясь от жары и от пыли, столбами окружающей наш экипаж, и которая облаками влетала в окна и наполняла рот, нос, глаза. Шестерик лошадей тянул карету самым тихим шагом. Но вот перед нами гора. Все по команде выползают вон, крюки закидываются в колеса, и мы гурьбой спускаемся по гладкой пологости горы пешком, оставляя за собой экипажи, ожидающие нашего спуска, чтобы тронуться с места. Потом снова усаживаемся и опять тихим шагом подвигаемся вперед. То ли дело езда на почтовых. Тройка маленьких лошадей мчит вас во весь опор с горы на гору, колокольчик едва успевает вертеть своим языком и вдруг, как будто ослабев, издает одни только невнятные звуки. Крик ямщика, соединяясь со свистом его кнута, поощряет его боковых лошадей. Они мчатся взрывая землю копытами, а вы сидите на телеге перетянувшись ремнем и с нетерпением дожидаетесь проезда на следующую станцию, чтоб сменить усталых уже коней и еще скорее пуститься на свеженьких. Двойная водка обещана ямщику, и он, задравши шляпу на бок, взмахивает кнутом и со словом “ух!” ваша телега летит, оставляя за собой полосу густой пыли. Лошади устали. Ямщик просит отдыха и подбодорясь затягивает песню, играя кончиками кнута по ребрам своих уродов. Пользуясь этим временем, вы закуриваете трубку, и лишь только показалась вдаль деревня, ямщик снова хватается за вожжи и пристяжные взвиваются кольцом, и он мчится, гордо поглядывая на все стороны и кланяется вставшим с завалинки ямщикам, которые машут ему руками и кричат: “Лихо, Андрюшка, это по-нашему”. И вот встречается на пути питейный дом, и лошади со всего скаку приворачивают к этому маяку, и ямщик, снявши шляпу, с глупой улыбкой просит у вас 10 копеек, чтобы выпить. Но уж зато как он везет после этого! Даже коренная мчится вскок против всех правил ямской езды. “Барин, держись!” – и с этим словом вы летите под гору, марш-маршем влетаете на гору и, оглянувшись назад, ваше сердце замирает при виде моста, который чуть виднеется при заво-

роте с горы. Вспомните ту минуту, когда на повороте, сжавшаяся тройка пронесла вас по худо укрепленным тесинам и когда дыхание ваше невольно сперлось в легких при виде пропасти, пестреющей под вами огромными камнями. Не правда ли, что после этого вы вздохнули особенно приятным образом и улыбка удовольствия показалась на вашем лице, когда ямщик обернулся к вам с торжествующим видом и, соскочив с козел, сказал, подстегивая покрытую паром пристяжную: “Вздохните, голубчик”. Ведь вы готовы были поблагодарить его. За что? За то, что он вас напугал? “Именно за то” – ответите вы.

Наконец после двухдневного путешествия с дневками, с ночлегами и с помощью подставных лошадей мы дотянулись до Горки⁴². Я, брат и учитель поместились в особенном флигеле, расположенном на скате горы, под которой стлался болотистый наволок и кончался рекой Шексной, на противоположном берегу которой рассыпан был город Череповец.

Шексна была первая судоходная река, которая представилась тогда моему взору. Все видимые мной до этого времени реки походили больше на ручьи. Вид этой влажной полосы, заключенной в земляных оковах, был обновой для моего воображения. Я весело смотрел на волны, с шепотом закидывающиеся на берег и обмывающие ее песчаную отмель. Вечером она покрывалась туманом, который, затопляя примыкающий к ней наволок, представлял взору величественную картину озера и из-за завесы этого тумана, подобно звездам, мелькающим на облачном горизонте, пробивались с городского берега яркие точки, доказывающие привал коневодов, которые, усевшись в кружок на земле вокруг разложенного огня, варили себе кашу.

Не буду понапрасну тратить слова, чтоб рассказать радость и гостеприимство хозяев – сестры и брата, которые употребили все свое искусство, чтоб не заставить скучать нас ни на минуту. Дворяне череповские, отличающиеся особым радушием и гостеприимством (которое они мне доказали много раз), равно принимали участие в радости сестры и брата после долгого ожидания увидевших у себя своих родителей. С каким нетерпением ожидал я того дня, в который назначено было ехать на рыбную ловлю. Катание по воде было для меня тоже новостью. Наконец мы отправились. Рыбаки, дружно взмахивая веслами, начали заводить невод, обогнули дугой всю ширину реки и, причаливши к берегу, потянули его за веревку на берег. С каким нетерпением ждали мы приближения человека, который стоял на противоположном конце невода опершись на кол и потом, выдернувши его из земли, тихо приближался, тянувши за собой пяту невода, в которой заключалась вся надежда рыбака. Проницательный взор его, с заранья проникнув в воду, предсказывал удачу или неудачу этого раза. И вот пята невода всплывает уже навстречу. “Скорей, живей, тяни” – раздается между ры-

баками и конец сети с криком вытаскивается на берег. Дымчатая стерлядь бьется в своей засаде и радость блестит на челе рыбака, с осторожностью вытаскивающего ее и объявляющего на глазомер, что это десятерик. Тогда радость бывает общая и десятивершковая стерлядь опускается в прорезник, потом отправляется в садок, где она томится до тех пор, пока не приедет в город. В это время ее закалывают, украшают цветками и лавровым листом и с церемонией подают на обед. Судьба ее немного походит на судьбу человека с той только разницей, что ее съедают люди, а человека съедают черви, может быть те самые черви, которые произошли от гниения человека, тоже кушавшего в свое время стерлядки. Но это в сторону.

Марк Петрович надоедал ужасно со своими уроками, которые и ему, я полагаю, были не более приятны как нам, но, несмотря на это, он хотел показать себя ревностным исполнителем поручений батюшки, и, слушая наши уроки, он зевал вместе с нами. После конца классов, которых иногда совсем и не было, мы отправлялись в другой флигель здороваться с родителями и с сестрой и, если погода была пасмурная или холодная (в июле месяце), а тем более если накрапывал хоть маленький дождь, то для нас закладывали коляску, кажется, парой (потому что постройкой уносных заняли бы почти все расстояние между флигелями), и мы переезжали в ней, надевши шинели и в калошах. Сохранение здоровья есть самая главная и похвальная вещь. Следуя этому правилу, мы после заката солнца не смели выходить во двор, потому что тогда была ночь, а ночью луна не греет, следовательно, бывает холодно. *Vacula stat in angula – ergo pluvit**.

Но так как гости гостят, да когда-нибудь и домой отправляются, и нам пришла пора отправляться домой. Несколько дней прошли для меня как несколько часов. Да и трудно ли. Я был крестником хозяйки и был осыпан конфетами и ласками с ног до головы и ни одной моей просьбе не было отказа. Одним словом, мне было житье – масленица. Даже нынче я невольно вспоминаю об этом веселом времени в скучные часы зубной боли. И вот утром в день нашего отъезда потянулся из кухни в флигель цуг людей с подорожниками. Боже мой, чего только не было настряпано. Индейки, утки, гуси, цыплята, ветчина, пироги, пирожки, крендели, белые и черные хлебы наводнили все столы залы. Бутылки с вином, медом, пивом, квасом и с водой стояли обшитые в войлоки и нагревшаяся жидкость заранее вырывала уже пробки из горлышек. Что же будет в дороге? Что будет, то и будет, а взять непременно нужно. И все это укладывали в коробы и нагружали бричку, в которой ехала девка с гардеробом, и по окончании процессии завтрака, прощанья и тому подобных

* Палки стоят в углу, следовательно, идет дождь (*лат.*), имеется в виду, вероятно, когда лошади распряжены, оглобли (палки) стоят в углу.

необходимых этикетов, мы отправлялись по обыкновению тихим шагом на хозяйских лошадях, выславши своих вперед. В тот же день закатывающееся солнце не видело уже нас путешествующих. Мы его опередили, и последний луч его осветил нас в доме у Надежды Ивановны Пасынковой⁴³. На другой день я уже был дома, то есть в Вологде, рассказывая встречному и поперечному о новостях, веселье и гостеприимстве, которыми усыпаны были все дни нашей жизни у сестры и брата.

С этого времени жизнь моя опять потекла по-прежнему. Утром я был в классной комнате, в которой совершались дела разного рода, в числе которых вряд ли последнее место* занимало ученье. Но об этом никому нет никакой нужды знать. Довольно и того, что в продолжении классного времени, то есть от 9 часов утра до часу по полудни нас нигде не было видно, и поэтому все заключали, что мы учимся. После обеда точно таким же порядком мы забирались в классную комнату при ударе колокола к вечерне и выходили при звуке чашек, который возвещал явление чая в соседнюю комнату.

В эту зиму был объявлен рекрутский набор семинаристов, не занимающих никаких мест и живущих по вольности бурсацкой в деревнях у своих родителей или шатающихся без всякой цели в городах. Сколько было забито лбов этим несчастным семинаристам, погрязшим в цвете лет в гнусных пороках от вольности и бездействия? Как смиренно стояли во фрунте те, которые были первыми зачинщиками драк, ссор, воровства, буйства и пьянства в городах и селениях! Как ровно маршировали они под удары барабана, вытягивая свои ноги, которые незадолго до этого скакали через чужие сады и огороды и с проворностью убегали от преследования хозяйской дубинки. Как мирно покоились по швам руки их, наносившие удары в кулачных боях и в ночных схватках, разбивающие стекла в домах и угнетающие беззащитную невинность. Одним словом, пришел *cansa finalis*** их геройским подвигам и целый табун поповского семени выпровожден был за заставу при рыданиях и вое матерей их, которые несколько прежде не знали куда обратиться от своих чад, возвратившихся домой с праздника или из города и поступающих с ними не с сыновней, но с бурсацкой нежностью, но уж у простого народа принято в неперменное правило при отдаче сына или родственника в солдаты (каков бы он ни был) реветь во весь голос или, по их выражению, причитать. И сын нашего сельского священника попал под этот разряд. А то ли был не молодец! На праздник никто не мог выпить вина больше его, никто не мог так искусно сбивать палками яблоки с яблоней как он, никто не был так решителен в начинании драки и ссоры как он. Одним словом, он был человек, кончивший полный курс семинарских наук.

Такого рода редкие явления оставляли о себе надолго память в городе, который не избилую никакого рода событиями запечатлевал их каменоскальными буквами в памяти жителей, которые не понимая благотельной цели этого духовно-рекрутского набора толковали о нем всякий по своему понятию. Некоторые предсказывали войну, другие говорили, что из поповичей-рекрутов положено сделать учителей для обучения солдат грамоте. Одним словом, всякий врал, что ему приходило в голову и никто почти не понимал настоящей причины.

Но подобные явления не препятствовали ходу нашего образования, которое, подобно заведенным часам, шло однообразно. Учитель, по обыкновению, утром или читал газеты или писал письма, а мы ели за учебным столом копченые селедки и подвигали часы вперед, чтобы поскорее пообедать и после рыскать по всем закоулкам дома до 4 часов, при звуке которых заспанный учитель являлся в класс, скликая нас на работу – да, на работу, потому что мы после обеда писали по диктовке, а такого рода занятия скорее можно назвать работой, чем ученьем. Вечером же учитель отправлялся к какому-нибудь немцу-аптекарю или гимназическому учителю, где просиживал за бостоном до глубокой ночи, а мы, мы тоже что-нибудь да делали. Всякий возраст имеет своего рода занятия, хоть иногда и случается исключение из правила. Так например, наш 60-летний седоволосый уже ментор пришел однажды домой с шишкой на лбу.

Уединение рождает иногда очень странные идеи в уме человека, а наш дом в то время представлял отчасти маленькое подобие запущенного аббатства. Занятия моих родителей были соответственны их старым годам. В кабинете при свете двух сальных свечей раздавались перекаты косточек на счетах или совершались дела по хозяйственному департаменту. В других же комнатах, право, с непривычки можно было расшибить лоб о двери или о стол, и мы, как маленькие дети, боялись быть в темных комнатах, следовательно, и оставались всегда в нижнем этаже, разгуливая по девичьим и по лакейским. От скуки поджигали лен на пряхках дворовых женщин и девок, которых у нас был целый легион или засаживали гусаров⁴⁴ в носы спящих лакеев и слушали разные нравственно-сатирические их рассказы и любовались игрой их в три листа с подходом⁴⁵. Что же было другого делать? Потом ужинали втихомолку в предосторожность того, чтоб, разговаривая, не подавиться каким-нибудь куском, хоть это и довольно было трудно, во-первых, потому что куски были так малы, что и гуслиное горлышко не пострадало бы от на шестеро разрезанного рябчика или от яиц всмятку, солонины, пирожного и квасных вафель, второе, потому что расстояние времени между переменами блюд было так велико, что можно было успеть сосчитать даже все косточки не только что в рябчике, но даже в ерше. После ужина водилось обык-

* Вероятно, автор хотел сказать "первое место".

** конец (лат.).

новенно сидеть несколько времени за столом молча в присутствии не одного десятка лакеев, которые с заспанными лицами выползали из разных мест, один, чтоб взять со стола вино, другой, чтоб прибрать остаток пива, третий, чтоб взять сахарницу, четвертый, чтоб погасить лампу на столе, пятый, чтоб собрать со стола приборы, шестой, седьмой и пятнадцатый для того, чтоб отодвинуть от стола стулья, шестнадцатый стоял со щеткой в руках, чтоб подмести пол, 17-й чтоб покурить...*, и если еще прибавить человека, ожидающего со свечкой, чтоб проводить нас по лестнице, повара с поваренком, выглядывающих в щелку дверей, сердит ли барин или нет, и с других дверей хлебодаршу, ожидающей каравай хлеба ситного и белого, лежащих для запаса на столе и несколько передне-валых пирогов, то наверное можно насчитать человек 25 мужского и женского пола, толпящихся вокруг 3 или 4 господ, сидящих за ужиным столом и при скрипе стула бросающихся к столу и производящих неимоверный шум.

Но вот приближается время ярмарки. Подобно тюленям, играющим между морскими волнами и предвещая бурю, показывались на улицах бухарцы, разъезжающие со своими огромными узлами. Подобно тому как подъячий, просидевши несколько дней без сапог, бежит в родимый кабачок, закладывая свою жилетку, чтоб выпить на радости, так точно мы бросали всякого рода занятия услышавши, что на улице идут бухарцы.

Разумеется, их зазывали поголовно и, разрывши все их узлы, не купивши ничего, отправляли с поручением прибыть опять в самом непродолжительном времени с новыми товарами. Сколько бывало ссоры из-за этих бухарцев. Один говорил, чтоб ни одного из них не пускать на двор, другой приказывал не только не пропускать ни одного мимо, но даже при встрече на дороге приводить непременно каждого. Да и в самом деле, что за охота звать этих татар, не говоря уже о кармане, который непременно начнет чахнуть от их шалей, да от разных халатов, платков, одеял и тому подобных глупостей, но сверх того легко можно было простудиться, роясь в принесенных с двора товарах, которыми они нещадно размахивали перед самым носом торгующих и, кроме этого, татарские товары легко могли привить чуму. Но, несмотря на все эти убеждения, посещения их были слишком часты, шали покупались, деньги держались и в заключение всего бухарцы выгонялись вон.

Но товары такого рода слишком были однообразны для нас. Мы с нетерпением ждали столочных торговцев с помадой, духами, подтяжками, перчатками, тесемочками, перочинными ножичками, ножницами и тому подобными вздорами. Нужно было видеть, с какой профессорской важностью располагался такого рода торгош в углу залы, выхвалявая свою гвоздишную или лимон-

ную помаду и взбалтывая бутылками eau de lavande* называл их лучшим амбре. С каким любопытством рассматривали мы замшевые зеленые и коричневые с белыми прожилками перчатки, которые до того были прочны в носке, что с большим трудом сгибалась в них рука, и до упаду торговались над подтяжками из телячьей кожи, на которых были вышиты гарусом разные цветы и листья. А о модных перстнях с цветными стеклышками и о таких же булавочках и пуговках и говорить нечего. Мы от них просто сходили с ума. Накупивши всех этих вздоров на несколько рублей, мы с почтением приступали к выбору карандашей и сургуча, как к вещам, предназначенным к полезному обиходу.

Наконец наступал давно ожидаемый день отправления на саму ярмарку, на которую мы отправлялись как в какую-нибудь экспедицию вместе с родителями и несколькими дворовыми людьми-знатоками в огромном возке не менее как сам де-сять. Напьялившись на себя несколько фуфаек и колпаков, окутавшись теплыми платками, в дорожных шапках, в валяных сапогах и с 10 рублями в кармане, пожалованными нам для разных закупок, мы с божьим благословением отправлялись туда с утра и, пробывши там часов пять, возвращались назад с несколькими санями, нагруженными штуками остиндийских коленкоров, ситцев, сукон и материй, чтоб дома на просторе рассмотреть доброту каждой вещи и с общего консилиума оставить нужное дома, а ненужное отправить назад. Но как-то, Бог знает почему, обыкновенно случалось, что ненужного встречалось очень мало, а всякая вещь после долговременного спора получала свое назначение и откладывалась в сторону, если не до настоящей нужды, то на всякий случай для запаса. Долголетняя опытность проявляется в полном блеске в пожилых людях. Они, заботясь о настоящем, не упускают из виду ни малейшей нужды, могущей случиться впоследствии. "Авось, случится нужда, — говорят они, — так не выписывать его тогда стать из-за моря". Следуя этому правилу, штуки ситцев, материй, коленкоров, куски разного тканья, дюжины платков получше, похуже, побольше, поменьше нагружали ящики и сундуки. Куда же молодым людям тянуться за стариками. Молодой только что намеревается о чем-нибудь думать, старый человек уже давно придумал и пять раз передумал. Вот какие люди жила в старину:

О, древность! Вечное к тебе благоговенье.

О, праотцы! Да будет вечный вам покой!¹⁴⁶

Нынче же что за век! Люди зреют как грибы! На что это походит! Молодой человек пускается спорить со стариком. И об чем же? О хозяйстве. И нередко мысль только что еще обретенная разрушает подобно громовой стреле долголетнюю практику. Нынче молодой человек в 20 лет уже делает-

* Неразборчиво.

* лавандовая вода (фр.).

ся самостоятельным, уезжает от своих родителей в немецкие земли для какого-то образования. И что же можно ожидать от того, кто по крайней мере до тридцати лет не просидел дома и не имел каждую минуту перед своими глазами пример воздержания, умеренности и не слушал толков о хозяйстве. Заставьте его посолить грибы, спросите сколько дастся дворовой женщине льну для поставу в год и сколько еще прибавляется в наказание за вину. Спросите у него, много ли можно выткать полотна ткачу в день, заставьте его сварить варенье или посолить бруснику с сахаром и с разными духами, уверьте его, что в лампу вливается полфунта масла и что она должна гореть больше одного вечера, он вам не поверит. Уверьте его, что сальные свечи выгоднее жечь, чем восковые – он осмелится вам доказывать, что нынче, кроме кухни, лакейской и конюшни, нигде не жгут сальных свечей. Заставьте его разносить за обедом вино 3–2 сортов, смотря по чину и по званию – он вам начнет говорить о равенстве людей и о невозможности такого варварского, по его мнению, поступка. Уверьте его, что пирожное можно подавать одним с сахаром, а другим с маслом – он вас назовет...*

Вот каков нынче свет, развратный свет, свет, напрысканный отличными духами, *eau de lavande*, на помаженный прекрасной помадой или фиксатуром, а не гвоздичным салом, освещенный воском и газом, а не сальными огарками и лучиной, одетый в модное платье, а не в нанковые сюртуки и фризровые фуфайки, ходящий по паркету, а не по дыривому полу, танцующий в белых лайковых перчатках, а не в зеленых кожаных, свет, отдыхающий на бархате и штофе, а не на домотканой полосатой холстине. Одним словом, самый преступный свет, не признающий и не перенимающий привычек своих предков, свет, наполненный людьми образованными, людьми, умеющими ценить собственное свое достоинство, не подставляющими другой щеки для пощечины, людьми не миролюбивыми, заступающимися за свою честь, готовыми кровью загладить свою вину перед другим, а не ускользнуть хитростью или полюбовной сделкой за бутылкой домашней наливки. О, просвещение, просвещение, много ты наделало вреда, не правда ли господа допотопные жители? Право и без него свет был бы по-старому светел, хлеб бы стал не хуже родиться, и без молотильных машин в старину вымолачивалось зерно, и без железных дорог люди переползали с места на место, и без телеграфов получались известия, разумеется, не так скоро. Но ведь русская поговорка говорит, что скоро, то бывает нездорово, тише едешь, дальше будешь. Без пушек и без ружей люди колотили друг друга дубинками. Солнце, луна и звезды видны были и без телескопов и обсерваторий. Русский был русским – не говорил по-заморски, не рисковал своей жизнью, предпринимая дальние и опасные путешествия для разных открытий. Человек знал очень верно день своего рожде-

ния и, родившись, там же жил и умирал, как нынче, разве с той только разницей, что не понимал цели своего назначения. Да и что за нужда была ему знать об этом? Ведь и то надо сказать, что будет, то будет, суженного конем не объедешь, а в многоглаголеньи ведь нет спасения. Сожалеете, господа, что вы родились в нынешнем веке, он и в подметки не годится давно прошедшим временам патриархальной простоты.

Итак, время ярмарки в губернском городе сопровождалось каким-то особенным движением. Все суетились, закупали материи, книги, халаты, сапоги, фарфор, хрусталь, одним словом, все необходимое на целый год. У каждого была какая-нибудь обновка, или жилет с ужаснейшими пунцовыми букетами по свиновому фону, или галстук с гордиевым узлом и огромным бантом, или новая стразовая булавочка и пуговицы. У дам являлись новые платья из Алхелубенских и Арзерумских материй (как их уверяли купцы), платочки, шарфы *à la Tilbury**, перчатки эластические, то есть просто из тягучей лайки, башмаки шитые золотом *à la sultane Turcque***, даже прически меняли свою форму под стать новым фракам с белыми металлическими пуговицами и клетчатым шарфом, заколотым булавочкой, изображающей переломленный якорь или змею. Жиды снабжали всех медными цепочками и чугунными кольцами с адамовой головой и надписью: *"tememento mori"****, надували без пощады разными зажигательными шашечками, сигарами подделанными, пеньковыми трубками, термометрами, микроскопами и тому подобными вещами.

Самая же ярмарка была устроена в доме, в коридорах которого по обе стороны находились лавки⁴⁷. Купцы, которые целый год торговали без всякого успеха в Вологде, занявши одну из лавок, продавали свои старые товары наравне с приезжими торговцами. Одним словом, в продолжении всех трех недель ярмарки всякий покупал все, что ему ни попадалось. Теснота и давка в коридорах была нестерпимая. Толпа невольно увлекала за собою и, сдавивши что нельзя, заставляла употреблять не совсем даже пристойные средства, чтоб очистить себе дорогу. Одним словом, в это время никого не бывало почти дома, все *tendesvous***** делалось в доме ярмарки.

Там можно было видеть всю публику высшего, среднего и низшего сословия. Одни ходили чтоб покупать, другие чтоб воровать. Третьи чтоб потолкаться в надежде на свое здоровье, плечи и ребра. Одни чтоб себя показать, другие чтоб на других посмотреть. Купцы же как звери в клетках высовывались из своих лавок, приветствуя и здороваясь с каждым проходящим, перебирая как ученые попугаи на один дух все свои товары, выхваляя их

* легкий развевающийся шарф (*фр.*).

** турецкая султанша (*фр.*).

*** помни о смерти (*лат.*).

**** свидание (*фр.*).

* Авторское отточие.

новизну и доброту. Одним словом, хаос был всеобщий. Со всех сторон раздается крик, шум, толкотня.

Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух⁴⁸.

Купец Логинов, собравши весь хлам из своих кладовых, снабжал им какого-нибудь из своих приказчиков, и они, ездивши по ярмаркам, продавали произведения ума и труда человеческого пудами за самую сходную цену. Нам же покупали по несколько избранных книг с утверждения ученого комитета, состоящего из учителя, капельмейстера и Кузьмы, дядьки, который всегда советовал покупать исторические или сатирические книги (как он их называл). Капельмейстер же всегда соглашался с мнением учителя, а учитель никак не советовал кидать деньги на покупку всякого вздора: Радклиф⁴⁹, Жанлис⁵⁰ и т.п. И потому, полагаясь на мнение Кузьмы, как самое основательное, мы выбирали несколько книг и отправлялись к батюшке в верхний департамент испрашивать разрешения на покупку их.

*

¹ Цитата из поэмы А.С. Пушкина "Руслан и Людмила". Глава 1.

² Согласно делу о родословной вологодского помещика Д.Ф. Резанова (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 10798), кроме старшего брата Дмитрия, впоследствии камер-юнкера Двора ЕИВ, в семье Резановых жили Екатерина Дмитриевна – тетушка (1765–1831) и другая, пока не установленная сестра Ф.Д. Резанова, возможно, Анна Дмитриевна, в замужестве Рындина (1863–?).

³ Крестными Алексея Резанова были Надежда Федоровна Резанова (в замужестве Кудрявая, см. о ней ниже) и, по-видимому, Екатерина Дмитриевна Резанова.

⁴ Куркино – село в 20 верстах от Вологды, расположенное в верховье реки Вологды, известное еще с XVII в., где располагалась главная усадьба Резановых. Позже, уже в XIX в., к селу было приписано название Спасское от имени церкви, построенной в начале XIX в. Федором и Алексеем Резановыми вместо развалившейся деревянной церкви Михаила Архангела.

⁵ Брат Алексея Резанова Дмитрий Федорович (30 октября 1815 – 22 июня 1874) имел единственную дочь Анну (1844–1880), которая была замужем за своим кузеном Андреем Федоровичем Андреевым (1830–1904).

⁶ "Вечерние беседы в хижине или наставление престарелого отца, в котором содержится приятное нравоучение, научающее неприметно детей кроткости, покорности, человеколюбию и всем добродетелям, к которым должно приучать их с младенчества". Сочинение Дюкре-Дюминилля, автора Молиты и Фанфана, Алексиса, Юлии, Яшеньки и Жоржетты. Часть 1, 2. Харьков, Университетская тип., 1819.

Дюкре-Дюминиль (1761–1819) – французский писатель. Наибольшую известность приобрел как автор сентиментальных романов. В России в конце XVIII – нач. XIX столетия вышло около 20 переводов разных его произведений.

⁷ Спасо-Преображенская церковь в селе Куркино построена в 1809–1821 гг. "тщанием помещиков села Спасское Алексея и Федора Дмитриевичей Резановых вместо упраздненной Михайло-Архангельской церк-

ви" // Клировые ведомости за 1913 год. ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 130. Л. 357.

⁸ Тифон – могущественный великан, олицетворяющий огненные силы земли и ее испарения. В "Илиаде" Гомера упоминается о борьбе Зевса с Тифоном, в результате которой последний был повержен молнией и скрылся в подземном царстве (Тартаре).

⁹ Голиаф – знаменитый филистимлянский исполин, имя которого увековечено в библейском рассказе о его единоборстве с Давидом, в результате которого Голиаф, несмотря на свой богатырский рост был повержен. 1 кн. царств, глава XVII.

¹⁰ Черностоп – земля, не покрытая снегом.

¹¹ Отъезжие поля – территория, предназначенная для охоты и конных прогулок.

¹² Арапник – ременной кнут с толстым кнутовищем для надевания на руку, оканчивающийся свинцовым набалдашником – убойкой, которым приканчивали зверя, пойманного собакой. С помощью арапника управляли также собаками.

¹³ Ловчий – руководитель охоты, псарь, бобровник и т.д.

¹⁴ Доезжачий – старший псарь, распоряжающийся собаками.

¹⁵ Котлик – уменьшительное от слова "котел". Медный котлик обычно с округлым дном.

¹⁶ Надежда Федоровна Резанова – старшая сестра Алексея Резанова – род. в 1803 г. Вышла замуж за Андрея Ивановича Кудрявого – подполковника в отставке, участника войны 1812 года. Очевидно, свадьба их состоялась в 1827 г., так как 10 сентября 1827 г. состоялся акт исключения 382 душ крестьян, выделенных ей отцом в качестве приданого. ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 236.

¹⁷ Кудрявый Андрей Иванович – небогатый помещик из дворян Новгородской губернии. Из кадетского корпуса вступил в службу прапорщиком в Терновский пехотный полк, переименованный впоследствии в Гренадерский наследного принца Прусского, находился в походах против французских войск в 1812, участвовал в сражениях при Корчме в Курляндии – 12 октября, в Витебской губернии при местечке Чашники и Смолянах, за что был награжден серебряной медалью на голубой ленте, Пруссии – 27 января при блокаде и взятии Данцига, в Саксонии при взятии Лейпцига – 1818, за что был награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте в память о вступлении русской Армии в Париж. Дело о дворянстве рода Кудрявого, записанного в 3-ю часть дворянской родословной книги, слушано 15 апреля 1852 г. На тот период согласно формулярному списку ему было 49 лет, однако надо учитывать, что заполнение анкетных данных производилось на несколько лет раньше слушания дела, поэтому можно считать, что А.И. Кудрявый родился в 90-х годах XVIII в. С мая 1831 по 1835, с 1836 по 1839 г. Кудрявый избирался уездным предводителем дворянства города Череповца. Имел сыновей Федора, Ивана, дочерей Александру, Надежду, Екатерину. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 9907. Л. 5–7. В 1849 г. дочь Кудрявого Александра вышла замуж за Льва Николаевича Гальского, родственника по женской линии художника В.В. Верещагина.

¹⁸ Нанковые курточки – курточки, шитые из плотной и мягкой хлопчатобумажной ткани саржевого переплетения.

¹⁹ Кружало – круговая посадка деревьев в парках с тыльной стороны центральной усадьбы. В качестве таких могли быть липы, ясени, сосны, березы. Вокруг этих искусственных парковых насаждений, как правило, были песчаные дорожки, по которым прогулива-

- лись или играли дети, а у подножия деревьев росла кислица – заячья капуста, травка с кисловатым привкусом, которая служила в качестве лечебного средства. Возможно, из этих соображений ее собирал капельмейстер.
- ²⁰ Перефразированная цитата из Грибоедова: “Блажен кто верует, тепло ему на свете” – *Грибоедов А.С.* Горе от ума. Действие 1, явление 7.
- ²¹ Автор имеет в виду известное событие в истории города Вологды – приезд в 1824 г. императора Александра I, который прибыл в Вологду 15 октября в 8 часов вечера в сопровождении генерал-адъютанта, барона И.И. Дибича, и остановился в доме купца Витусевича, был встречен с большими почестями, в честь императора вологодским дворянством был дан бал, в память об этом событии позже на доме, сохранившемся и доныне, была установлена мемориальная доска. См. статью: Провинция в Александровские дни. Пребывание Александра I в Вологде // *Русский библиофил*. 1915. № 7. С. 55–56. *Коновалов Ф.Я.* Вологодские губернаторы // *Историко-краеведческий альманах*. Вологда. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 73–74.
- ²² Федор Андреевич Кудрявый – старший сын А.И. и Н.Ф. Кудрявых – отличался слабым здоровьем и умер в 19 лет.
- ²³ Мафусаил – в ветхозаветных преданиях один из патриархов, праотцев человечества, прославившийся своим долголетием (Бытие. 5,21–27). Он прожил 969 лет. Мифы народов мира. М., 1988. Т. 2. С. 124.
- ²³ Федор Афанасьевич Андреев – коллежский ассessor, муж дочери Резановых Марии, небогатый ярославский помещик. До 1827 г. служил почетным смотрителем Ярославского уездного училища. В 1830 г. его дом располагался в первой части города Вологды, в Екатерининском приходе. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 572. Л. 30б. Его сын Николай Федорович (7 июля 1830 – 21 июня 1904) женился на дочери Дмитрия Резанова Анне, своей двоюродной сестре (род. 28 июня 1844 г.), единственной наследнице имения Резановых и после ее смерти – 7 июля 1880 г. – стал полновластным хозяином села Спасское-Куркино. С тех пор фамилия Резановых прекратила свое существование. Свадьба Ф.Н. Андреева и Марии состоялась, очевидно, в 1827 г., так как 10 сентября за Марью Андрееву при выходе ее замуж было исключено 377 душ крепостных. ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 239.
- ²⁵ Рыдван – небольшая двухколесная телега, запряженная парой лошадей, предназначенная для перевозок.
- ²⁶ Речь идет о губернаторе Николае Петровиче Брусилове (1782–1841), который с 1820 по 1841 г. губернаторствовал в Вологде и ежегодно устраивал балы для вологодского дворянства во время Никольских праздников, совпадающих с его собственными именинами. См. о нем: *Акутин Ю.* Метаморфозы Николая Брусилова // *Альманах библиофила*. 1979. № 6. С. 103–125.
- ²⁷ Губернаторша – Брусилова Анна Лонгиновна, жена Вологодского губернатора Н.П. Брусилова – умерла от холеры в 1830 г. Похоронена в Спасо-Прилуцком монастыре, в нижнем этаже Спасского собора в устроении в память ее приделе Успения прав. Анны. *Вел. кн. Николай Михайлович, Шереметевский В.* Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 104.
- ²⁸ Телемах – сын Одиссея и Пенелопы, предсказавший возвращение Одиссея. История Телемаха послужила темой для романа: “Les aventures de Telemaque” Фенелона. Перевел на русский язык Василий Тредиаковский. Его поэма под названием “Телемахида” входила в курс гимназического обучения не только в XVIII, но и в первой пол. XIX в.
- ²⁹ Васильевское – село в Грязовецком уезде Комельской волости, бывшее имение помещиков Еропкиных, которое в результате неуплаты долга 8000 руб. в Московский опекунский совет, членившегося за Лейб-гвардии поручиком Иваном Еропкиным и не возвращенное его сыном Василием, было выкуплено Екатериной Федоровной Резановой – бабушкой автора записок. С 28 августа 1788 г. это село с двумя прилегающими к нему селами – Заверткино и Щекутево, а также рядом деревень стало принадлежать Резановым. После смерти родителей Резанова наследником этого имения стал автор настоящих “Записок” Алексей Федорович Резанов, который там же был похоронен. Дело о продаже села Васильевское: ГАВО. Ф. 844. Оп. 1. Д. 217.
- ³⁰ Копушка – птичка, засидевшаяся в траве, свившая в ней гнездо и не успевшая перелететь в лес ко времени жатвы, а потому ставшая добычей хищных птиц.
- ³¹ Шевырѣво – село, находившееся в Шекснинской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии, принадлежавшее Резановым, которое после замужества их дочери Надежды перешло ей в качестве приданого. Первые годы Кудрявые жили именно в этом селе. ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 236.
- ³² Форейтор – верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом. (“На кляче тощей и лохматой сидел форейтор бородатый” – А.С. Пушкин. “Евгений Онегин”).
- ³³ Михаил Кириллович – двоюродный брат автора, сын Кирилла Степановича Рындина и Анны Дмитриевны, урожд. Резановой, тетушки А.Ф. Резанова. Род. ок. 1802 г. Служил в Лейб-гвардии Семеновском полку с 1810 г. Штабс-капитан в отставке. Его дед Степан Дмитриевич Рындин женат на дочери полковника Василия Михайловича Межакова Екатерине. Фамилия Рындиных восходит к древним Новгородским и Белоозерским боярским родам. Один из них Никанор Остафьевич – прадед М.К. в 1712 г. женился на дочери солдата Василия Веригина – сподвижника Петра I – Екатерине Васильевне. Герб Рындиных в части Гербовника 1798 – л. 8. Дом Рындиных в Вологде был один из самых культурных очагов русского Просвещения в XVIII в. РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 3907. Л. 15–17 об. Остатки некогда богатейшей библиотеки Рындиных находятся в Вологодской областной библиотеке им. Бабушкина.
- ³⁴ “Если бы кто-нибудь узнал все гадости и низости поступков человеческих, то бы сказал, что это сказки” – автор перефразировал выражение Н.В. Гоголя “И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! И похоже это на правду?” – “Мертвые души”, гл. 6 (о Плюшкине). Лирическое отступление автора. Вероятно, Резанов мог читать “Мертвые души”, которые впервые были изданы в 1842 г. В библиотеке Резановых было шеститомное издание сочинений Гоголя. Практически эта цитата является одним из датирующих элементов Резановского сочинения, которая относит его целиком к 40-м годам XIX в.
- ³⁵ Имеется в виду страшная эпидемия холеры в России 1830–1832 гг., достигшая пределов Вологодской губернии и унесшая много человеческих жизней. В 1848 г. эпидемия в Вологде повторилась, ее жертвой стал и автор “Записок”.
- ³⁶ Кошовни – сшитые из войлока “рубашки”, которые надевали на лошадей во избежание их простуды (эти “рубашки” впитывали пот).

- ³⁷ Подблюдные песни – народные обрядовые песни, связанные с ритуалом святочных гаданий на блюде.
- ³⁸ Библиотека Резановых. Библиотека усадьбы Спасское-Куркино по каталогу, составленному последним ее владельцем Николаем Федоровичем Андреевым на 1892 г., насчитывала более 5000 томов. В 1918 г. все книги были вывезены из усадьбы и переданы в Вологодскую публичную библиотеку. По описи, составленной в библиотеке в 1920 г., книг имелось уже около 3000 томов (ГАВО. Ф. 635. Оп. 1а. Д. 4. Л. 50–104). Ядро библиотеки было заложено еще отцом и дедом Федора Дмитриевича Резанова, отца автора “Арабесок...”. Основу ее составляла литература беллетристического характера. Ярко представлены литературные течения, восходящие к концу XVIII – началу XIX в. – мистицизм (Юнг, Штиллеринг) и особенно сентиментализм во главе с Н.М. Карамзиным. Братья Алексей и Дмитрий Резановы воспитывались на литературных произведениях этого направления. Такие авторы, как Лафонтен, Мармонтель, Жанлис, Радклиф, Дюкре-Дюминиль, Флориан в этой библиотеке во множестве томов. Однако классическая русская и зарубежная литература в лице лучших ее представителей – Пушкин, Жуковский, Батюшков, Державин, Ломоносов, Гоголь, Гончаров, Лермонтов, а также Шекспир, Гомер, Руссо, Шиллер, Шатобриан, Вольтер и др. – нашли здесь почетное место. Легкое волноудомство владельцев библиотеки нашло отражение в наличии таких книг, как “Путешествие из Петербурга в Москву” Радищева, заграничных изданий Герцена “Колокол”, “Голоса из России”, “Полярная звезда”. Дмитрий Федорович Резанов, брат автора записок в 50–70-е годы, активно занимаясь хозяйственным развитием Куркина, пополнил библиотеку литературой по земледелию, скотоводству, пчеловодству. Библиотека также отражала склонность русского барина к путешествиям, пребыванию за границей. В ней имеется большое количество путеводителей по Европе, планов европейских столиц и больших городов, проспектов различных курортов, а также каталогов музеев и художественных альбомов. Большой раздел библиотеки составляли книги на иностранных языках, в основном это французская и немецкая литература. Весь репертуар книг усадебной библиотеки, включающей также книги по истории, философии, религии, периодические издания (“Отечественные записки”, “Современник”, “Русский архив”, “Русская старина”, “Сын отечества”, “Исторический вестник” и др.), книги юридического содержания, а также энциклопедические словари и справочники свидетельствует как о широте, так и о разнообразии интересов владельцев библиотеки.
- ³⁹ Те-Деум – “Тебя Бога хвалим”. Гимническое хвалебное песнопение в рамках христианского богослужения. Распространено было как в католической, так и в православной религии со времен средневековья. Мелодии Те-Деума использовали Гайдн, Гендель, Моцарт. В жанре Те-Деума писали композиторы Давыдов, Римский-Корсаков, Бахметев // Муз. энциклопедический словарь под редакцией Г.В. Келдыша. М., 1991. С. 540.
- ⁴⁰ Рабатки – плоские цветочные грядки прямоугольной формы, которые использовались в качестве бордюров в усадебных парках.
- ⁴¹ Село Кубенское расположено на пути Большого Кирilloвского тракта. Одно из самых древних селений Вологодского края, возникшее в IX–X вв. Кубенский городок до конца XIII в. был более известен, чем Вологда. До сер. XV в. с. Кубенское – центр Заозерско-Кубенского удела вплоть до присоединения его в 1447 г.

- к Московскому княжеству. В XVII в. село пожаловано царем Михаилом Федоровичем боярину М. Салтыкову. С 1785 до 1790 г. было во владении полковника Ф.А. Пушкина, с 1790 по 1797 г. – графа Ф.Г. Орлова. Последним владельцем его был граф Н.М. Орлов. Название получило по озеру Кубенскому, на юго-западном берегу которого расположено. Жители Кубенского занимались рыболовством, торговлей, копчением сельдей, кружевоплетением. В Кубенском ежегодно устраивались ярмарки, имелось две земских школы: мужская и женская. Почти все жители села были достаточно богаты.
- ⁴² Новгородская деревня – дер. Матурино в окрестностях города Череповца, иначе называемая усадьба Горка, расположенная на берегу Шексны в исключительно живописном месте. В 1991 г. историко-этнографический музей “Усадьба Гальских”. Со времени избрания А.И. Кудрявого уездным предводителем дворянства Череповца в 1831 г. здесь началось строительство особняка, по типу напоминающего дом Резановых в селе Спасское-Куркино. Вокруг дома был раскинут обширный пейзажный парк из лиственных и хвойных деревьев с тенистыми извивающимися аллеями, густо посаженными акациями, сиренями, жасмином, розами. Со стороны Шексны на дом открывалась живописная панорама, хорошо описанная автором записок. Через парковую переправу по Шексне, у деревни Матурино и далее по деревянному мосту через р. Ягорбу, осуществлялась связь с Череповцом. С 1848 г. усадьба Горка неразрывно связана с семьей Гальских, как имение, приобретенное в качестве приданого от А.И. Кудрявого за его дочь Александру.
- ⁴³ Пасынкова Надежда Ивановна, урожд. Левашова (?–1852) – жена надв. советника, инспектора лесного департамента по Вологодской губернии Михаила Федоровича Пасынкова. Пасынковы из костромских дворян, бывших в родстве с Нелидовыми, Бухариными, Повалишиными. РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 1051 за 1839. Очевидно, какая-то родственница Резановых, так как согласно документам Федор Дмитриевич Резанов передал 62 души креп. крестьян из своего имения Н.И. Пасынковой. ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 239. В 1819 г. 20 мая у Пасынковых родился сын Федор – ровесник автора записок, который был всегда дружен с семьей Резановых, а в 1863 г. заплатил долг 4119 руб. Петербургской сохран. казне за Дмитрия Федоровича Резанова (ГАВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 286), после чего дело о неуплате Резановыми долга было прекращено.
- ⁴⁴ “Засаживать гусаров в носы спящих лакеев” – т.е. шекотать сонного в носу свернутой бумажкой или травкой. – *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 409.
- ⁴⁵ “Любовались игрой в три листа с подходом” – очевидно, разновидность карточной игры, в которой лист означает оставшаяся в руках игрока карта определенной масти.
- ⁴⁶ “О, древность! Вечное к тебе благоговенье! О, праотцы! Да будет вечный вам покой!”. Установить авторство фразы не представляется возможным. Безусловно, круг чтения Резанова составляли как произведения древних авторов античности (на языке оригинала и в переводах), так и сочинения российских литераторов, таких, как Державин, Ломоносов, Пушкин, Батюшков и др. Поэтому можно предположить, что под влиянием прочитанного автор “Арабесок...” самостоятельно сложил эту поэтическую строку.

⁴⁷ Устраиваемая ежегодно Вологодская ярмарка располагалась в лавках Гостинодворской улицы – ныне ул. Мира, которая была главным торговым центром города. Здесь находились мясные, рыбные, мануфактурные ряды, в том числе и книжные лавки.

⁴⁸ “Всяк суетится, лжет за двух...” Цитата из романа “Евгений Онегин” А.С. Пушкина, глава “Отрывки из путешествия Онегина”.

В библиотеке Резановых было полное собрание сочинений Жанлис, многие книги имели владельческие надписи Федора Дмитриевича Резанова, а также Алексея и Дмитрия Федоровичей Резановых.

⁴⁹ Радклиф Анна, урожд. мисс Уорд (1764–1823) – английская писательница-романистка. Ее сочинения отличались неистощимой фантазией и романтической таинственностью. Широкую популярность принесли ей “Сицилийский роман”, “Роман в лесу”, “Итальянец”, написанные в 90-х годах XVIII в. Они отчасти явились предшественниками романтических тенденций в английской литературе: Вальтер Скотт и Байрон

считаются последователями Радклиф. Почти все ее романы переведены на русский язык и издавались массовыми тиражами, вызывая массу подражателей. Влияние сочинений Радклиф испытал и сам Алексей Резанов – это особенно проявилось в его лирических отступлениях, касающихся полночных видений на фоне луны. В библиотеке Резановых также имелось полное собрание сочинений Радклиф.

⁵⁰ Жанлис Стефани Фелисите Дюкре де Сент-Обен (1746–1830) – графиня, французская писательница, чрезвычайно модная в дворянской среде в первой пол. XIX в. Воспитывала детей герцога Орлеанского, для которых написала несколько детских книг: “Воспитательный театр”, “Адель и Теодор”, “Вечера в замке”. Во время революции эмигрировала из Франции и вернулась на родину лишь после прихода к власти Наполеона Бонапарта. Писала романы в духе сентиментализма, комедии, мелодрамы, критические обозрения, описания путешествий, драматические пьесы и т.д. Почти все сочинения Жанлис переводились на русский язык.